

РОМАНТИКА МОРСКОЙ СЛУЖБЫ

№ 14 июль 1976

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА

СМЕНА

**РЕШЕНИЯ
XXV
СЪЕЗДА КПСС
ВЫПОЛНИМ!**

НАУКА... ТЕХНИКА... ТВОРЧЕСТВО... Нынешняя эпоха пишет с большой буквы эти слова. И не случайно рядом с ними в социалистическом обществе произносится слово **МОЛОДЕЖЬ**.

С трибуны XXV съезда Коммунистической партии Советского Союза Генеральный секретарь ЦК КПСС товарищ Л. И. Брежнев говорил: «Мы, коммунисты, исходим из того, что только в условиях социализма научно-техническая революция обретает верное, отвечающее интересам человека и общества направление. В свою очередь, только на основе ускоренного развития науки и техники могут быть решены конечные задачи революции социальной — построено коммунистическое общество».

Вовлечение молодежи в научно-техническое творчество — важнейшая задача комсомольских организаций в десятой пятилетке.

Адреса научно-технического творчества — профтехучилища,

ОСОБЫЙ СЧЁТ

Владимир АКЕНДИНОВ,
электрослесарь,
член парткома
Калининского комбината
искусственной кожи
«Искож»

В цехе регенерата, где я работаю, появилась новая установка для выпуска линолеума из отходов основного производства. Мы сначала любовались ею: хороша, удобна в управлении, да к тому же производительность у нее вдвое выше, чем у прежних. Но, к сожалению, еще бывает: выпустит завод новый станок, а оснастки для него нет. Так и с нашей установкой получилось, она вполсилы только и могла работать: мешало ей старое оборудование и в первую очередь браковочный стол — это такой автоматический контролер, который просто со старой установки приспособили.

— Давай, Володя, покрутим голову над этой проблемой, — предложил нашему лучшему рационализатору Владимиру Исаеву энергетик цеха Николай Соколов, возглавляющий, кстати, штаб НТТМ при комитете комсомола комбината.

А с Володей Исаевым мы вместе в школе учились, и шесть лет назад одновременно на комбинат пришли, и первое рационализаторское предложение (и сейчас его помню — изменение электросхемы пуска гидравлических прессов) подавали совместно. И хотя мы немало сделали в отдельности, но и на общем счету у нас более двадцати рационализаторских предложений набирается. Объединяемся, когда работа предстоит серьезная. Как, например, с той же установкой. Исаев о задании энергетика мне сразу же сказал, потом еще нацелился жела-

ющие «поломать» голову — в общем, довели машину, даже ее проектную мощность перекрыли. Не уверен, что кому-то из нас удалось бы сделать эту работу в одиночку. Помните: «Ум — хорошо...» Десять, конечно же, еще лучше.

Количество рационализаторов и на нашем комбинате и на других предприятиях Калининской области постоянно растет. Думаю, это закономерно, хотя искать новое становится все сложнее. Этап, если можно так выразиться, «легкой» рационализации прошел, все, что было на поверхности, уже выбрано. Теперь надо копать вглубь, а обычной лопатой в таком случае много не наворочаешь — нужен экскаватор. Таким экскаватором у рационализатора должны быть знания.

Честно говоря, после окончания школы мне не очень хотелось продолжать образование, искренне считал: электрику и десяти классов предостаточно. А потом, когда мы с Володей Исаевым всерьез увлеклись поисками «узких мест», стали мучиться над чертежами и схемами, неожиданно для себя поняли: знаний у нас и на сегодня не хватает, а о завтрашнем дне и говорить не приходится. Поэтому мы вместе поступили в Калининский политехнический институт. Между прочим, уже несколько лет в нашем институте ходят слухи о специальном курсе по изобретательству и патентоведению. Но слухи есть, а вот курса нет, так же как нет и учебников по рационализации, изобретательству и патентоведению. Их, что называется, приходится «изобретать» для каждой организации самостоятельно, а они очень нужны учащимся профессионально-технических училищ и техникумов, студентам технических (и не только!) вузов, слушателям университетов технического творчества и школ молодого рационализатора. Такие школы существуют сейчас почти на каждом предприятии, но в большинстве из них учат лишь умению правильно заполнить заявку да читают лекции о юридических правах рационализаторов и изобретателей. Все это, безусловно, необходимо знать, но в то же время учить только этому — слишком мало. Молодого рабочего и специалиста в первую очередь необходимо

обучать умению творчески мыслить, искать. Учить и как искать и где!

Когда слесарь цеха искусственных кож и плащевых материалов приносит в бюро изобретательства, рационализации, патентоведения и технической информации свою заявку на... складную удочку — это вовсе не смешно. Значит, и комитет комсомола и совет ВОИР что-то упустили в своей работе с молодым рационализатором, не направили его творческие усилия в нужном направлении. «Надо изобретать не то, что хочется, — говорил Михаил Иванович Калинин, — а то, что требует наше социалистическое государство». От заводских рационализаторов и нужно требовать предложений, направленных на улучшение качества своей работы и своей продукции, на увеличение производительности труда. Для этого, естественно, надо знать не только свою профессию, но и больше интересоваться всем производством, где ты работаешь.

Думаю, именно в этом — в развитии интереса к конкретному техническому творчеству — достоинство «Примерной программы школ молодого рационализатора», разработанной недавно Калининским обкомом комсомола и областным советом ВОИР. Теперь во многих школах, так же как и в университетах технического творчества, слушатели изучают методику изобретательства, технологию своего производства, повышают профессиональную квалификацию, а выпускники вместо диплома представляют рационализаторское предложение, разработанное по темнику своего завода или фабрики.

Достоинства самой идеи темника бесспорны. Он организует и направляет все техническое творчество на предприятиях. Однако в отдельных случаях темник нуждается в совершенствовании. Например, на нашем комбинате он разрабатывается на два года вперед, и многие из проблем кочуют из одного темника в другой. Большинство из тем, включенных в эту тоненькую книжечку, довольно сложны для рабочих, особенно для молодых. Впечатление такое, что конструкторы и технологи специально старались внести сюда только серьезные проблемы, многие из которых под силу разве что научно-

исследовательскому институту. Мне кажется, в подобный темник должны входить прежде всего пожелания рабочих, направленные на улучшение условий и увеличение производительности труда, на повышение эффективности производства. Насколько я знаю, именно так поступают на московском ГПЗ-1, где регулярно проводят опрос всех работников о том, что им мешает улучшить работу. Таким путем выявляются «узкие места», куда и направляют свои усилия творческие бригады рационализаторов.

Недавно у нас проходил областной месячник комсомольско-молодежного предложения по изысканию и использованию внутренних резервов производства. Молодых рабочих и специалистов попросили заполнить анкету, в которой было немало конкретных вопросов:

Как упростить конструкцию детали, узла, приспособления, с которыми ты работаешь?

За счет чего можно сократить нормы расходования основных и вспомогательных материалов?

Каким другим, более дешевым материалом заменить существующий?

Какие ручные процессы можно механизировать и как?

Какие изменения необходимо внести в технологический процесс, чтобы сократить трудоемкость затрат?

За счет чего можно увеличить производительность труда на твоём рабочем месте?..

Из ответов на эти вопросы на каждом предприятии составили большой темник для изобретателей и рационализаторов, количество которых значительно выросло в ходе месячника. И это естественно: человек предложил, он сам и сделать хочет. Но я уже говорил, что в одиночку — будь ты даже семи пядей во лбу — серьезное техническое решение найти трудно. А внедрить его еще сложнее. Поэтому поиском у нас в основном заняты комплексные творческие бригады, которыми, как правило, руководят опытные рационализаторы-наставники, а внедрением — специальные общественные цехи. Первый общественный цех внедрения рационализаторских предложений появился на Калининской шелкоткацкой фабрике. Работает

Наша обложка:
старшина
первой статьи
Петр ЛОЗКО.

Фото
Альберта
ЛЕХМУСА

аводские цехи, лаборатории институтов. В охватившем всю страну движении НТТМ принимают участие свыше 11 миллионов юношей и девушек. Создано более 200 тысяч общественных творческих объединений, 27 тысяч школ молодого рационализатора, 74 тысячи кружков и клубов научно-технического творчества. Все это не только приносит ощутимый экономический эффект, помогает активнее участвовать во всесоюзной операции «Внедрение», но и формирует характер рабочего-творца, развивает его способности, содействует становлению личности.

Держай, твори! — зовет партия молодежь. На доверие и всестороннюю помощь. Ленинский комсомол, молодое поколение Страны Советов отвечают неустанным поиском, яркими и смелыми свершениями, упорством и настойчивостью.

НАУКА... ТЕХНИКА... ТВОРЧЕСТВО... МОЛОДЕЖЬ...

Эти понятия становятся в десятой пятилетке еще неразрывнее.

ПОИСКА

он при совете ВОИР, и входят в него люди самых разных профессий — токари, слесари, электрики, ткачи... И каждому находится работа по силам и по душе. Сейчас именно общественные цехи и бригады внедрения рационализаторских предложений быстрее всего «облекают идею в металл»: по данным областного совета ВОИР, они втрое сокращают путь новшества от бризовского стола до цехового станка. Но такие цехи и бригады существуют еще далеко не на всех предприятиях. Во время месячника комсомольско-молодежного предложения, о котором я упоминал, проектористы провели рейды на всех предприятиях области, они раскопали в столах бризовских работников целые пласты «похороненных» заявок, вскрыли многочисленные факты волокиты с рассмотрением рационализаторских предложений. Приходилось им встречаться и с таким «снобистским» отношением к некоторым заявкам молодых рабочих. Я верю, что первое предложение не всегда может поразить воображение опытного инженера, сидящего в бризе, но в том-то и дело, что оценивать его надо по особому счету, чтобы не обидеть молодого рабочего, не оттолкнуть, а, наоборот, привлечь его к дальнейшему поиску.

Именно такую цель ставит перед собой «Комплексная программа комитета ВЛКСМ, совета ВОИР и администрации Калининского вагоностроительного завода по привлечению молодежи завода, базового профтехучилища, подшефных школ и станций юных техников к техническому творчеству на X пятилетку». Название у программы, что и говорить, пространное, зато оно полностью соответствует сути дела. Как видите, вагоностроители заботятся не только о своих нынешних рабочих и специалистах, но думают и о своей завтрашней смене.

Есть у нас в Калинин филиал научно-исследовательского института вагоностроения. По вечерам, когда остывают после тяжелого дня приборы и станки, жизнь в филиале НИИ не замирает: здесь собираются члены дискуссионного клуба КОГТИ — клуба общественной генерации технических идей. Впрочем, официального членства в клубе нет, собираются вместе

ученые, инженеры, рабочие, учащиеся ПТУ и даже школьники. Спорят здесь на равных, порой даже ругаются, но в выигрыше остаются все — идеи действительно генерируются. И у тех, кто бывает здесь, быстро вырастают крылья и появляется «когтистая» цепкость в поисках нового. Не случайно в ходе последнего этапа Всесоюзного смотра НТТМ вагоностроители, как выяснилось, подали рационализаторских предложений больше, чем рабочие других калининских предприятий. А всего в ходе смотра, в котором участвовало более 50 тысяч молодых новаторов Верхневолжья, подано около 13 тысяч рационализаторских предложений и 93 изобретения. Экономический эффект от их внедрения составил свыше 12 миллионов рублей. Но, думаю, значение смотра и в том, что десятки тысяч молодых ребят — школьников, студентов, рабочих — впервые приобщились к техническому творчеству.

Первое предложение подал недавно и Коля Ларин — самый молодой электрослесарь нашего цеха.

Стоит у нас в ряд вулканизаторы — довольно капризные установки. Если двигатель вулканизатора перегрузить, он тут же останавливается, и запустить его уже не просто — резина застывает, нужно ее выдолбить, прежде чем отремонтируешь и снова запустишь двигатель.

— Коля, ты подумай, что нам делать с вулканизаторами, — сказал однажды Николай Соколов.

Ларин удивленно посмотрел на энергетика, но отказываться от «лишней» работы не стал. А через несколько дней протянул мне самодельный чертежик. Предложение было простым и эффективным: Коля решил вывести сигнальную лампочку на пульт погрузки, что позволило оператору следить за работой двигателя.

— Сработано точно.

— Не все же только вам, старикам, выдумывать! — довольно засмеялся Ларин.

Когда тебе двадцать шесть, то числиться в стариках даже приятно. А фотографии Николая Ларина, надеюсь, еще появится на доске почета среди «лучших молодых рационализаторов комбината».

- 1 РЕШЕНИЯ XXV СЪЕЗДА КПСС ВЫПОЛНИМ!
Электрослесарь Владимир АКЕНДИНОВ.
«ОСОБЫЙ СЧЕТ ПОИСКА».
- 2 НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОЕ ТВОРЧЕСТВО МОЛОДЕЖИ.
«НЕ ПРИЗЕМЛЯТЬ ВДОХНОВЕНИЕ».
Очерк Анатолия БАРАНОВА.
- 4 ЦЕНТРАЛЬНАЯ ВЫСТАВКА НТТМ-76.
«ФАНТАЗИЯ И МАСТЕРСТВО».
- 7 ПРОШУ СЛОВА!
Леонид ЖУХОВИЦКИЙ. «ТРУДНАЯ ЛЮБОВЬ».
- 9 Стихи Анатолия ПАРПАРЫ.
- 10 «ЧИСТЫЙ ФАРВАТЕР».
Фотоочерк Владислава ЯНЕЛИСА и Альберта ЛЕХМУСА.
- 14 ЛИТЕРАТУРНЫЙ АНОНС.
Анатолий ИВАНОВ. «СУДЬБА ЧЕЛОВЕЧЕСКАЯ».
- 18 Сергей АБРАМОВ. «РАЗМЫШЛЕНИЯ О ЧАСТИЦЕ «НЕ».
- 22 ИЮЛЬСКОЕ ОБОЗРЕНИЕ.
Обзор зарубежной печати.
- 24 ЛИТЕРАТУРНЫЙ ГЛОБУС «СМЕНЫ».
Ганс БАУМАН.
«ЛЕВ И ЕДИНОРОГ». Сказка для маленьких и больших.
- 26 ЧЕМПИОНЫ О СЕБЕ.
Нона ГАПРИНДАШВИЛИ. «ПРАВИЛА ИГРЫ».
- 28 Стихи Павла БОГДАНОВА.
- 29 ЛИТЕРАТУРНЫЙ ГЛОБУС «СМЕНЫ».
Роберт ШЕКЛИ. «ПРОБЛЕМЫ ОХОТЫ».

Главный редактор А. А. ЛИХАНОВ

РЕДКОЛЛЕГИЯ: В. С. Абашин, С. А. Абрамов, А. П. Кулешов, В. В. Луцкий (заместитель главного редактора), Г. Л. Немченко, В. Г. Победоносцев (ответственный секретарь), Р. И. Рождественский, Е. И. Рябчиков, В. А. Саюшев, Г. В. Семенов, А. П. Середина, Г. С. Терзибашьянц (главный художник), Б. А. Фаин, Д. Н. Филиппов.

Художник С. П. Тюнин. Технический редактор Л. И. Курлыкова.

Невисловедимы пути вдохновения.

Конструкторы Белорусского института по проектированию капитального ремонта и реконструкции объектов обратились в Минское среднее ГПТУ №9 с просьбой сделать модель созданного в институте нового подъемного крана. На следующий день в коридоре училища вывесили объявление, невзрачное, как меню привокзального буфета: «Желающие усовершенствовать свои знания в слесарном деле могут записаться в новый кружок технического творчества». О почетном заказе уже знали многие, и Галина Дражина, будущий фрезеровщик, прочитав это объявление, ревниво заявила: «Надо было написать — «Срочно требуются влюбленные», тогда бы отбоя не было». Но и желающих, то бишь влюбленных в дело ребят, оказалось предостаточно. Поэтому многим, в том числе и Гале, уже не раз проявившей себя в техническом творчестве, предложили другие темы. Модель же досталась будущим слесарям-инструментальщикам Ивану Савельеву и Леониду Янковскому. Несколько дней они разбирали чертежи, добывали необходимые материалы, советовались с мастерами и преподавателями. А потом неожиданно внесли в чертежи ряд значительных изменений. Настоящие конструкторы схватились за головы, но не от страха за свое «детище», а из уважения к «детишкам», предложившим остроумное приспособление к крану, значительно расширявшее границу его действий. В институте было созвано большое совещание, на котором будущие слесари, ставшие нечаянно конструкторами, докладывали о своей идее. Идею поддержали («простая, как дыхание»), в помощь ребятам выделили двух инженеров, и несколько странная творческая бригада допоздна засиживалась в учебной лаборатории, где новые идеи жужжали, как пчелы, несущие если не мед, то сладкую надежду на успех. И он пришел к ним.

— Теперь я за них спокоен, — сказал заместитель директора училища, заслуженный мастер профтехобразования БССР Петр Андреевич Ковалев. — Они уже заражены идеей творчества и не успокоятся никогда. В этом, наверное, и заключается главная задача и наших кружков, и лекций, и ежедневных занятий в мастерских и лабораториях.

Техническое творчество — одно из обязательных условий современного учебного процесса. Сегодня уже нельзя постигнуть рабочую профессию, только запоминая и перенимая навыки мастера. Современного рабочего нужно научить умению творчески соединять теорию с практикой. Поэтому и появился в программах профессионально-технических учебных заведений Белоруссии специальный предмет «Основы технического творчества». В училищах республики действуют сейчас 166 первичных организаций ВОИР, около тысячи кружков технического творчества, в которых на равных началах работают учащиеся, преподаватели и мастера. Только в прошлом году учащиеся профтехучилищ подали 760 рационализаторских предложений с экономическим эффектом 90 тысяч рублей.

Девятое училище значится в числе первых по итогам смотра-конкурса на лучшую постановку рационализаторской работы, который ежегодно проводит ЦК ЛКСМБ, Государственный комитет Совета Министров БССР по профтехобразованию и республиканский совет ВОИР.

— И все-таки мы готовим и выпускаем в жизнь не рационализаторов, а рабочих, — говорит Ковалев. — И для нас важнее не рационализаторское предложение отдельного учащегося, а творче-

ское отношение к труду и к своей профессии всех наших воспитанников. Поэтому мы планируем творчество, закладываем фундамент для будущего вдохновения.

— Разве вдохновение нужно только писателям и актерам? — строго спросила Галя Дражина, заметив мое удивление. — Вдохновение, насколько я понимаю, это состояние, наиболее пригодное для работы. А разве фрезеровщик не должен ежедневно настраиваться на работу?!

В ее последних словах был прямой вызов, но Ковалев успокаивающе посмотрел в ее ясные глаза и, быть может, в который раз вспомнил свою первую встречу с этой девушкой.

Он превыше всего ценил в своих учениках самостоятельность и настойчивость, старался прививать им чувство ответственности за каждый свой шаг и поступок, и эта девочка понравилась ему именно своей решительностью и твердостью. Но в училище был конкурс, и не было мест в общежитии, поэтому предпочтение отдавали мальчикам, а Галя приехала из далекого Стародорожского района, и ей, пятнадцатилетней, нужно где-то искать квартиру, жить одной вдаль от родных и знакомых.

— Почему же именно к нам? — снова спросил Петр Андреевич. — Есть в Минске еще немало училищ, где ты можешь получить и общежитие, а потом и хорошую профессию.

— Но я хочу строить автомобили, — упрямо сказала девочка. — Я уже весь мотор выучила и знаю, почему «МАЗ» едет.

— А вы когда-нибудь задумывались над тем, почему едет автомобиль? — повернулся Ковалев к членам комиссии. — Действительно, интересный вопрос, если не объяснять все только системой движущихся валов и шестерен.

Петр Андреевич — земляк Юрия Алексеевича Гагарина, и не только земляк: они вместе учились в Саратовском индустриальном техникуме. Этим обстоятельством Ковалев гордится чрезвычайно и охотно откликается на просьбы ребят рассказать о своих встречах с первым космонавтом. И все же когда приходят к нему будущие токари и слесари с фантастическими проектами звездолетов и околоземных космодромов, Ковалев как-то незаметно направляет их творческие интересы в другое русло. И через несколько минут мальчишки, забыв о звездных кораблях, с той же горячностью обсуждают проект автоматизации учебного кабинета или очередного электронного экзаменатора.

В училище вовсе не приземляют фантазию ребят, наоборот, поднимают ее до весьма значительных высот. Но подъем этот идет по строго выверенному курсу, имя которому — избранная профессия.

В кабинете слесарного дела проходила теоретическая конференция на весьма прозаическую тему: «Восстановленные детали при ремонте». Мы с Ковалевым пришли в самый ее разгар, и, честно говоря, я подозревал, что наше присутствие охладит пыл юных докладчиков (каждый из участников конференции готовит свой доклад), но этого, к счастью, не случилось. Молодые слесари, не соблюдая ни регламента, ни ученого спокойствия, перебегали докладчиков, задавали им каверзные вопросы, касаясь марок стали, инструмента, технологии, аплодировали и смеялись. А преподаватель спецтехнологии Герой Социалистического Труда Петр Иванович Якимов довольно улыбался в седые усы и, казалось, вовсе не вмешивался в жестокие споры.

— Хочу, чтобы они не только научились искать, но и могли бы отстаивать свое мнение, — скажет мне позднее Якимов. — И без обид принимали критику товарищей, если мнение ошибочное.

Как правило, в кружок технического творчества входят учащиеся одной группы или же одного года обучения. А в кружке Якимова занимаются вместе и вчерашние восьмиклассники и выпускники, готовые, как пояснила Дражина, «перейти через дорогу» (училище находится напротив проходной своего базового предприятия — Минского автомобильного завода). Какие же преимущества дает такой состав кружка, отличающийся от «общепринятого»?

— Главное из них в том, что я свою работу переложил на плечи старшекурсников, — засмеялся Якимов. — Они объясняют младшим, что и как надо сделать, а я в это время книжку читаю.

Шутка, конечно. Но в этих словах кредо преподавателя: доверие к ученикам и стремление быстрее приучить их к самостоятельности.

С легкой руки Якимова в училище уже давно сложилась хорошая традиция: перед каждым родительским собранием учащиеся устраивают выставку своих работ. А преподаватели и мастера на

то приспособление, прибор, оснастка. Многие из этих работ остаются в училище как экспонаты музея или же занимают свое место в учебных кабинетах, лабораториях, мастерских.

— Конечно, хотелось бы, чтобы каждая работа наших выпускников была чем-то новым, но, к сожалению, мы порой и сами не знаем, что нового в автомобилестроении, — признается Якимов. — Училище хоть и называют порой «главным цехом МАЗа», но слова эти не всегда подкрепляются делом. Например, ту же научную информацию мы получаем от случая к случаю. К тому же доходит она к нам уже значительно устаревшей.

В слесарной мастерской мне показали тренажер для контроля над опилованной плоскостью. Приспособление довольно простое, но оно значительно сокращает процесс обучения слесаря, помогает ему быстро овладеть навыками работы.

— Мы даже предложили этот тренажер в качестве экспоната для нашей республиканской выставки, — сказал

НЕ ПРИЗЕМЛЯТЬ

Анатолий БАРАНОВ, специальный корреспондент «Смены»

конкретных образцах показывают папам и мамам, чего добились их дети в своей профессии.

— Неужели сама?! — спрашивает Иван Васильевич Дражин, рассматривая хитроумную деталь, сделанную дочерью.

Он понимает толк в металле: сам в пятнадцать лет сел на трактор, овладел и токарным станком и фрезерным. И в его вопросе — удивление знатока и уважение к мастеру.

— Конечно, сама! — подтверждает Ковалев. — У нас ребята все сами делают.

Действующую модель одного из минских автомобилей в училище изготовили раньше, чем этот же самосвал сошел с заводского конвейера. Ребята делали не игрушку, а настоящую машину, только в масштабе 1:10. Уменьшали все, включая каждую гайку. Кабину сначала выполнили в гипсе, потом отлили форму и только тогда отштамповали. Швеллер для рамы тоже сами сделали (такого по ГОСТу не существует). Вышла машина всем на удивление. Она с успехом демонстрировалась на многих выставках технического творчества, ее создатели были награждены медалями ВДНХ СССР. Работа над этой моделью стала для многих слесарей, токарей, фрезеровщиков особым пропуском в ряды рационализаторов и своеобразным дипломным проектом.

В девятом училище, как и в большинстве учебных заведений профтехобразования республики, каждый выпускник обязан представить экзаменационной комиссии свою итоговую работу, в чем-то похожую на дипломный проект студента вуза или техникума: те же листы чертежа, те же объяснения по спецтехнологии и материаловедению да плюс

Ковалев, — но оказалось, мы изобрели «велосипед».

Я могу подтвердить мнение насчет «велосипеда», потому что видел уже подобный тренажер несколько лет назад в Днепропетровске. Его придумал мастер Днепропетровского ГПТУ-15 Герой Социалистического Труда Николай Зиновьевич Николаев. Девять лет добывался он признания этого тренажера в качестве учебного пособия. И добился признания. Голого, как сказочный король. А чертежи тренажера он по-прежнему делает сам и сам рассылает тем, кто обращается к нему за помощью. А обращаются многие, особенно после того, как журнал «Смена» (№ 10, 1974 г.) рассказал о работе днепропетровского мастера.

Тесно в девятом училище. Здание старое, кабинеты, лаборатории и мастерские мало приспособлены для подготовки рабочих на современном уровне. Министерство автомобильной промышленности СССР уже третью пятилетку обещает улучшить условия подготовки рабочих кадров для МАЗа, но и в десятой пятилетке планирует построить только мастерские.

Еще хуже положение с производственным корпусом в техническом училище № 94, существующем при Минском тракторном заводе. Училище недавно отметило свое тридцатилетие и все эти годы ютится во временных помещениях. Теперь оно арендует один этаж у Минского машиностроительного техникума. Министерство тракторного и сельскохозяйственного машиностроения СССР тоже не один год обещает будущим тракторостроителям подарить новое здание. Но обещанного, как говорится, ждут три... Нет, простите, гораздо больше лет ждут.

Председатель Государственного ко-

митета Совета Министров БССР по профтехобразованию Лев Георгиевич Максимов сказал, что существовал даже проект нового училища. Но существовал он так долго, что устарел, не успев воплотиться в стекло и бетон. Теперь проектировщики снова собирают исходные данные. Улита едет...

— Я все же из породы оптимистов,— сказал мне директор училища Алексей Лукин Хуторной.— И надеюсь еще поработать в новом здании. А вот ребятам, что придут к нам через год-два, придется жить и работать в тех же условиях, в каких занимаются и нынешние учащиеся.

В девяносто четвертом училище работают десятки кружков технического творчества, почти триста будущих тракторостроителей являются членами общества рационализаторов и изобретателей. В их полное распоряжение отдан крохотный радиоузел, в котором могут одновременно «колдовать»... два-три молодых Эдисона. И все-таки теснота не ограничивает творческую мысль учащихся: только за последний год они

Но все это планы. А пока еще девяносто четвертое училище находится в худшем положении, чем соседнее девятое,— в худшем, если брать в расчет только квадратные метры производственной площади. И в то же время работать здесь гораздо легче благодаря постоянному вниманию и помощи руководства, партийной, комсомольской и всех общественных организаций Минского тракторного завода.

В ГПТУ-9 о таком внимании и поддержке только мечтают.

Возможно, и в составе комитета комсомола Минского автомобильного завода есть воспитанники девятого, но в училище об этом не знают. Так же, как не знают, чем конкретно мог бы помочь комитет комсомола своим подшефным. Может быть, и сами комитетчики не знают этого. По крайней мере, по утверждению Ковалева, они посещают училище только в особо торжественных случаях.

— Что вы делаете для развития технического творчества ваших будущих

достоянием всего училища, так как мастера обязаны на каждом занятии рассказывать учащимся о передовых методах труда, демонстрировать новый инструмент, оснастку, приспособления, знакомить с опытом заводских новаторов. Точно так же новинка, родившаяся в учебных мастерских, быстро находит адресатов в заводских цехах. Например, токари завода высоко оценили приспособление для обработки полусфер, созданное в училище. Теперь, когда это остроумное приспособление заняло свое место на ВДНХ СССР, его, несомненно, возьмут на вооружение токари и других заводов страны. Хорошо бы им узнать немного и об авторе этого оригинального предложения. Зовут его Валерий Капуста, ему еще нет и семнадцати. По словам Юревича, «он токарь милостью божьей».

Приспособление для обработки полусфер состоит из корпуса-держателя, имеющего выступающую часть для крепления в резцедержателе.— Валерий рассказывает четко, как на экзамене.— В корпусе установлен ползун, на одном конце которого находится ролик, а на другом — резец. Ролик движется по копиру, перемещая ползун, прижатый к копиру пружинкой. Копир устанавливается в задней бабке токарно-винторезного станка.

— В чем смысл твоего приспособления?

— Так оно же не только мое. И мастера его делали, и ребята помогали. А смысл его естественный — облегчить работу токаря, повысить производительность труда и точность обработки сферических поверхностей.

— Над чем ты работаешь сейчас?

— Самая простая вещь на земле — шар. Но обрабатывать его сложно. И мы решили сделать приспособление для обработки шаров.

— Оно в чем-то повторяет предыдущее?

— Наверное, если учесть, что и алгебра в чем-то повторяет арифметику.

— Мы стремимся к тому, чтобы каждый, именно каждый наш выпускник был подготовлен к рационализаторской работе,— заявил мне заместитель директора по учебно-производственной работе Борисовского технического училища № 121 Борис Владимирович Логвиненко.— Поэтому все учащиеся получают специальное задание на изготовление приборов, приспособлений, инструмента и других технических новшеств, позволяющих наиболее полно изучить программный материал и технологические процессы, применяемые на базовом предприятии.

Логвиненко до недавнего времени работал в Борисовском горкоме комсомола, отвечал именно за научно-техническое творчество молодежи, и его знание сущности НТТМ очень пригодилось в новом училище.

Это училище, наверное, одно из лучших не только в республике. Здесь прекрасно оборудованные кабинеты, лаборатории, мастерские. Есть все условия и для занятий спортом и художественной самодельностью. Училище новое, что называется, «с иголочки». Но строители передали учащимся только «коробку», оснащали же кабинеты, лаборатории и мастерские своими силами и с помощью шефов — работников завода «Автогидроусилитель». Училище отметило только первую годовщину своего существования, а сюда уже едут за опытом работники профтехобразования со всей республики. Недавно ЦК ЛКСМБ наградил комитеты комсомола завода и училища почетным выпелом за совместную работу по воспитанию трудовой смен. А руководители завода «Автогидроусилитель» и ТУ-121 подписали общий план социального развития на десятую пятилетку.

— Сто двадцать первому с шефами повезло-о-о,— не скрывая зависти, протянул Леонид Митрофанович Железнов, директор Борисовского СПТУ-25.

Оба училища расположены по соседству, и от этого контраст между ними еще разительнее. В двадцать пятом уже лет десять говорят о новом здании и все эти годы живут надеждами. От своих шефов — Минского областного управления мелиорации и водного хозяйства и Борисовского районного управления сельского хозяйства — помощи училищу ждать не приходится. Наоборот, шефы обращаются сюда за помощью: то им трактор срочно понадобится, то экскаваторчики. И все же, несмотря на тесноту, в училище стараются оборудовать учебные лаборатории и кабинеты на уровне современных требований.

— У нас такие специалисты есть, что все своими руками сделают,— похвастался Железнов и добавил: — Если, конечно, материалы достанут.

На невозможность достать те или иные материалы жаловались почти все, с кем мне приходилось беседовать о техническом творчестве в системе профтехобразования. И не только в Белоруссии. Наверное, давно настала пора централизованно снабжать кружки технического творчества училищ радио-детальными и электроматериалами, контрольно-измерительными приборами и моторами малой мощности, оргстеклом и пластиком...

— Если бы в училищах были современные материалы, мы могли бы чаще менять экспонаты на нашей выставке,— посоветовал мой добрый знакомый Петр Егорович Вардомацкий, директор республиканского Дома технического творчества профессионально-технического образования. Полтора года назад при РДТТ создана постоянно действующая выставка, на которой представлено все лучшее, что появляется в кружках технического творчества всех профтехучилищ Белоруссии.

К сожалению, порой самые остроумные приспособления, обучающие и контролирующие машины, тренажеры, модели, учебно-наглядные пособия не могут попасть на выставку только из-за своего внешнего вида. Мне показывали стереомагнитоаудио с цветомузыкой, корпус которой «слеплен» из обычной фанеры: «Надеемся переделать, если достанем квадратный метр пластика».

— На выставку ежедневно приходят сотни мастеров и учащихся профтехучилищ, старшекласники и их родители,— говорит Вардомацкий.— И мы должны показать истинное качество нашей работы.

Техническое творчество — это только составная часть учебно-производственного процесса в профтехучилищах. Но и в этой части, как солнце в капле воды, отражается весь комплекс проблем, связанных с подготовкой новой смены рабочего класса. Это и строительство новых училищ, и оснащение учебных мастерских, кабинетов, лабораторий современным оборудованием и материалами, и отношение отраслевых министерств и базовых предприятий к своим «главным цехам». Большая роль в воспитании технически грамотного, творчески мыслящего рабочего, несомненно, принадлежит комсомолу.

...Гая Дражина вместе с друзьями привезла на республиканскую выставку действующую модель станка, который выпускает ГПТУ-9. Это их последняя работа. Ребята уже получили удостоверение рабочих. Гая закончила училище с отличием и собирается поступать в Белорусский политехнический институт.

— Из Дражиной получится хороший специалист,— сказал Ковалев.— Есть у нее вкус к металлу и знаниям, есть и способность настраивать себя на работу. Кажется, эту способность она и называет вдохновением?

ВДОХНОВЕНИЕ

создали сотни приспособлений, множество наглядных пособий для учебных кабинетов и лабораторий, усовершенствовали технологию изготовления сверлильного станка, спрос на который значительно опережает мощности учебных мастерских, оборудованных, правда, не хуже заводских цехов.

В мастерских, за неимением специальных помещений, по сути дела, и ведется вся работа кружков технического творчества. Здесь же зачастую проходят и теоретические конференции и встречи с известными заводскими новаторами, такими, как бывший воспитанник училища, лауреат премии Ленинского комсомола токарь Николай Неверко или Герой Социалистического Труда, член ЦК КПСС, слесарь-инструментальщик Евгений Иванович Климченко. Большую помощь развитию технического творчества учащихся оказывают совет ВОИР и комитет комсомола завода. Над всеми учебными группами шефствуют комсомольские организации цехов и отделов. Занятия в кружках регулярно проводят специалисты и рабочие-новаторы. В смотрах НТТМ воспитанники училища участвуют вместе с молодыми рабочими завода. Для воплощения некоторых идей в металле создаются и смешанные творческие бригады.

— Наше пристальное внимание к делам училища объясняется просто,— улыбается Неверко.— Почти половина членов заводского комитета комсомола вышла из его стен.

Думаю, что это внимание объясняется и тем, что на МТЗ не на словах, а на деле считают училище своим основным цехом. Недавно здесь утвержден план мероприятий по развитию училища в десятой пятилетке. В частности, на строительство нового учебного корпуса, общежития и спортивного комплекса выделяется почти 2,5 миллиона рублей.

рабочих? — спросил я заместителя секретаря комитета комсомола МАЗа Владимира Шилкина.

— На этот вопрос, наверное, мог бы ответить Владимир Филипович, это наш инструктор, он непосредственно отвечает за техническое творчество. Но его, к сожалению, сейчас нет. Попробуйте позвонить завтра.

Петр Андреевич Ковалев, слышавший мой разговор с Шилкиным, безнадежно махнул рукой: «И завтра вы не узнаете большего».

А в молодом красивом городе Жодине, в комитете комсомола Белорусского автомобильного завода, о положении дел в подшефном профтехучилище знают так же хорошо, как и в любом из цехов гигантского предприятия. Над каждой из учебных групп Жодинского среднего ГПТУ-75 шефствуют цеховые комсомольские организации автомобилестроителей. Комсомольцы завода и училища вместе участвуют в конкурсах профессионального мастерства, занимаются в кружках технического творчества и школах «Молодого изобретателя». Сейчас по предложению заводского комитета комсомола в училище создается ученическое конструкторское бюро, возглавлять его должны молодые инженеры из КБ БелАЗа.

По рекомендации комитета комсомола перешел на работу в училище старший мастер Антон Болеславович Юревич.

— Я не первый и не последний,— говорит Юревич.— Многие наши мастера и преподаватели прошли заводские университеты, прежде чем получили право готовить кадры для родного предприятия.

В училище Юревич, кроме своей основной работы, отвечает еще и за связь с заводским советом ВОИР. Информация, полученная там, быстро становится

ФАНТАЗИЯ И МА

Под крышей гигантского павильона ВДНХ 10 тысяч экспонатов. 10 тысяч «визитных карточек» оригинальности мышления, уверенного мастерства, творческой фантазии. VI Центральная выставка научно-технического творчества молодежи стала впечатляющим рассказом о том, какими стремительными темпами развивается в нашей стране движение НТТМ, как оно становится неотъемлемым элементом экономического прогресса и воспитания молодых.

Интереснейшая панорама изобретений и открытий развернулась перед посетителями, многие и многие из которых пришли сюда не просто посмотреть, но и поучиться. Со всех концов Советского Союза, из всех областей и республик прибывали на НТТМ-76 молодые новаторы.

В выставке участвовали союзы молодежи социалистических стран — Болгарии, Венгрии, Вьетнама, ГДР, Кубы, Монголии, Польши, Румынии, Чехословакии.

Что говорят о НТТМ-76 советские и зарубежные участники и гости? Что думают они о путях и перспективах научно-технического творчества молодежи?

ИЗ «КНИГИ ОТЗЫВОВ» НТТМ-76

«Осмотрел экспонаты профессионально-технических училищ и восхищен ими. Желаю нашей трудовой молодежи дальнейших успехов. Уверен, что достойная смена растет рабочему классу страны.»

Ученик школы ФЗО 1937—1938 гг.
Н. ЗАВАДОВСКИЙ

«Работа профтехучилищ на высоте. Очень понравились разносторонние знания и смекалка.»

Старший инженер СИДОРЕНКО С. В.

Андрей ТЮРИН,
учащийся Московского ГСПТУ № 40,
медалист ВДНХ

— Могу с уверенностью сказать: по оборудованию и оснащению наше училище с любым посостязается. Во всех классах — магнитофоны, проигрыватели, пульты управления, проекционная аппаратура... Экзаменаторы-репетиторы — мы их сами сделали — стоят в кабинетах математики, физики, в мастерских. Наш кабинет истории занял первое место в республиканском конкурсе. Постоянно действующая выставка НТТМ — это и отчет наш и приглашение тем, кто еще не подключился. Таких в училище, правда, все меньше становится...

СТЕРСТВО

Фото Юрия УСТИНОВА
и Альберта ХОЛМИНА

«ПОЛЯРОИД» — ТАК НАЗЫВАЕТСЯ УНИВЕРСАЛЬНАЯ ПОЛЯРИЗАЦИОННАЯ ОПТИЧЕСКАЯ УСТАНОВКА, ДЕЙСТВУЮЩАЯ С ПРИМЕНЕНИЕМ ЛАЗЕРА. АВТОРЫ — УЧАЩИЕСЯ ЧЕЛЯБИНСКОГО МЕХАНИЧЕСКОГО ТЕХНИКУМА.

ГОНОЧНЫЙ ЭЛЕКТРОМОБИЛЬ «ХАШИ-13Э» — РАБОТА СТУДЕНТОВ ХАРЬКОВСКОГО АВТОДОРОЖНОГО ИНСТИТУТА.

приспособление для закрепления деталей на сверлильных станках. Обычно под деталь ставится подкладка, а сама деталь зажимается тисками. Наше приспособление позволяет быстро и надежно зажать деталь любой конфигурации и обеспечить точность и безопасность при сверлении. Кто из ребят его предложил, сейчас и не вспомнишь. Рассказали мастеру — он поддержал, помог. Ну и вот, получилось. На выставке подходили ко мне конструкторы с нескольких заводов, интересовались нашим приспособлением, хотят его у себя использовать.

Анатолий БЫКОВСКИЙ,
инженер-конструктор Ново-Краматорского
машиностроительного завода имени В. И. Ленина

— Один из экспонатов, представленных нашим заводом, — модель вскрышного гусеничного экскаватора ЭВГ-100/70. Емкость ковша у него — 100 кубических метров. Таких экскаваторов еще не производила отечественная промышленность. Эскизный проект выполнен, завершаем технический проект. На всех стадиях работы самое активное участие в ней принимала заводская молодежь. Может быть, самое главное в характеристике

Как я себя чувствую в ПТУ? Очень хорошо, отлично чувствую. Атмосфера нравится, ребята попались дружные. Мастер у нас — удивительный человек. Филиппов Владимир Сергеевич, Герой Социалистического Труда, делегат XXV съезда партии. Он для нас как отец. Ровный, терпеливый, внимательный, в труде неутомимый. Он мне да и многим другим ребятам красоту и увлекательность точной профессиональной работы открыл, показал, что такое высший класс мастерства. Я в школе никогда с уроков труда не бегал, а в училище так втянулся, что вот сейчас работаю на выставке, а по станку скучаю...

Училище наше — лауреат премии ВЦСПС, дипломант ВДНХ. В каталоге НТТМ-76 о нем такие слова написаны: «Силами творческих бригад за 1975 год внедрены в учебно-производственный процесс 52 рацпредложения с условным экономическим эффектом около 20 тысяч рублей». Мы здесь показываем, к примеру, универсальное прижимное приспособление

ОСТРОУМНУЮ КОНСТРУКЦИЮ ДВУХКОЛЕСНОГО ТРАКТОРА С ПРИШЕШНЫМИ ОРВДИЯМИ ПРЕДЛОЖИЛИ ШКОЛЬНИКИ НОВОСИБИРСКА.

МИР КОСМОСА, ЕГО ФАНТАСТИКА И ЕГО РЕАЛЬНОСТИ — ТЕМА ЭКСПОЗИЦИИ ТБИЛИССКИХ ТЕХНИКОВ.

движения НТТМ на заводе — то, что оно существует у нас не в обособленном, «автономном», так сказать, состоянии, а органически вписано в производственный процесс. В каждом отделе есть общественное конструкторское бюро, работающее в тесном контакте с советом молодых специалистов и руководством отделов. ОКБ подробно информируются о том, какие проблемы стали для завода первоочередными. Творческие группы, в которые входят рабочие, инженеры, технологи, конструкторы, ищут решение. Возникает атмосфера соревнования: кто предложит самую прогрессивную техническую идею, кто найдет лучший путь ее реализации?

ИЗ «КНИГИ ОТЗЫВОВ» НТТМ-76

«Нужно ли изобретать велосипед? Оказывается, нужно. И даже очень нужно. К числу лучших экспонатов НТТМ-76 относится работа сотрудников Центрального конструкторско-технологического бюро велостроения Н. А. Макогоненко и А. И. Макаренко. Авторы подумали обо всех тех, кому велосипед нужен для поездки с ребенком за город (есть дополнительное детское сиденье), в магазин или на рынок за покупками (имеется быстроразъемная металлическая «корзина»), они учли размеры антресолей малогабаритных квартир и автомобильного багажника (рама складывается), различный возраст, в том числе и преклонный, водителей (велосипед может быть использован в двух и трехколесном вариантах, механизм поворота рамы на выражах обеспечивает безопасность езды). Необходимо серийное производство, и как можно скорее!»
В. ГРОМОВ, Рязань»

«Одним словом выражу: великолепно! Предельно удобное, семейное, дешевое, необходимое средство передвижения. Я бы купил этот велосипед сразу и даю 100-процентную гарантию, что, если он появится в продаже, спрос будет фантастический.»

Электрик треста «Теплоэнергия»
МАКАРЫЧЕВ А. Г.»

«У нас в Дубне более половины города почти весь год ездит на велосипедах. Если бы в магазинах появились велосипеды того типа, который демонстрируется на выставке, их «расхватали» бы в один день. Очень нужная модель!»

ПРОДАНЧУК,
гор. Дубна, Московской области»

Лев ТКАЧЕНКО,
старший инженер кафедры кибернетики
Московского института
электронного машиностроения (МИЭМ)

— «Кибернетика» — слово прямо-таки магическое. Мимо нашего стенда мало кто проходит, не задержавшись. Медики заглядывают и математики, психологи, спортивные тренеры, педагоги... Показываем мы на НТТМ-76 экспонат, который называется «Комплекс определения состояния человека». В чем его суть? Вероятно, одна из центральных проблем, которые стоят перед современной наукой и техникой, это взаимодействие человека и машины, создание эффективных «человеко-машинных систем». Было время, когда головокружительные успехи автоматики вызвали у многих иллюзию, что уже вскоре «интеллектуальный робот» сможет в решающих видах деятельности заменить человека. Потом ученые во всем мире разобрались: возможности систем, в которых соединяются техника и человек, на сегодняшний день, как правило, значительно выше. Мы у себя на кафедре проводим исследования, цель которых — получить математическую модель человека при целенаправленной деятельности. С помощью тестов ищем ответы на вопросы о профессиональной пригодности индивидуума к тому или иному роду занятий, о пределах его возможностей, об их изменении при усталости, физической нагрузке, воздействии различных помех, при разных эмоциональных состояниях и т. д. Анализируя реакции человека методом кибернетики, подсказываем пути к созданию машин, которые помогли бы в оптимальном решении поставленных задач...»

Старшеклассники осаждают: «Как попасть в ваш институт?» Что касается меня лично, то могу рекомендовать надежный «рецепт»: через завод. Я после девятого класса ушел работать токарем. Почему? Да потому, что завод к самостоятельности, к ответственности причащает, собранность воспитывает, время и труд по-настоящему ценить заставляет. Сравните ребят, которые только что вышли из-за школьной парты, с теми, кто у станка постоял... На заводе я окончил вечернюю школу,

поступил в МИЭМ — и с первого дня был в восторге от института. Так что после окончания остался на кафедре кибернетики. В нашей группе — научные сотрудники, инженеры, студенты. Есть и мастер — Виктор Снаговский. Он, впрочем, тоже студент, учится на вечернем отделении института радиоэлектроники и автоматики...

Николай ПОДЛЕГАЕВ,
старший инженер лаборатории
сероочистки ВНИИГАЗа

— Комплексность разработок — обязательная и неотъемлемая предпосылка успеха. Та сфера научно-технического творчества, которую мы представляем, эту бесспорную истину подтверждает. Стиль, методы и формы работы с научной и рабочей молодежью у нас в институте подчинены тому, чтобы творчески решать задачи, стоящие перед газовой промышленностью СССР. Приведу

водственных объединений. Цель — ускорить внедрение научных разработок института в промышленность.

ИЗ «КНИГИ ОТЗЫВОВ» НТТМ-76

«Поправилось АБСОЛЮТНО ВСЕ.»

Учащиеся 7-го класса «Б»
849-й школы гор. Москвы»

В. Н. ПОЛЯКОВ,
министр автомобильной промышленности СССР

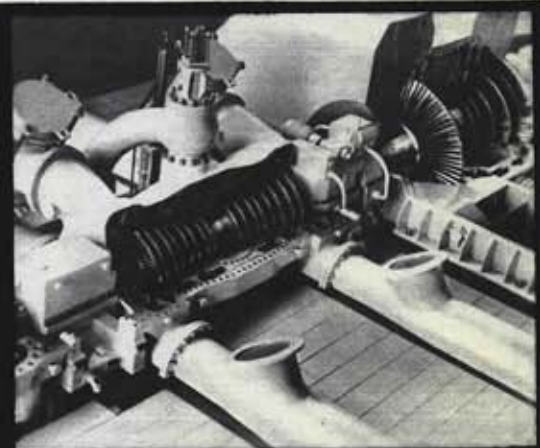
— Две цифры. В 1971 году выпуск автомобилей в Советском Союзе перешагнул рубеж в 1 миллион. В 1975 году с конвейеров автозаводов сошло более 2 миллионов машин. За пять лет пройден путь, практически равный всему предыдущему. Во всех успехах автомобилестроения — в том, что в кратчайшие сроки построены мощные автозаво-

ИНТЕРЕСНЫМИ ЭКСПОНАТАМИ, ЭЛЕГАНТНЫМ ОФОРМЛЕНИЕМ СТЕНДОВ БЛЕСНУЛИ ГОСТИ ИЗ ЧЕХОСЛОВАКИИ.

ЛЕНИНГРАДСКИЙ МЕТАЛЛИЧЕСКИЙ ЗАВОД ИМЕНИ ХХІІ СЪЕЗДА КПСС ПОКАЗАЛ МОДЕЛЬ ВЫСОКОЭФФЕКТИВНОЙ ОДНОВАЛЬНОЙ ПАРОВОЙ ТУРБИНЫ НОВОЙ КОНСТРУКЦИИ.

СЕГОДНЯ — ВЫСТАВОЧНЫЙ СТЕНД. ЗАВТРА — ПРИДАВОК МАГАЗИНА. НА НТТМ-76 ДЕМОНСТРИРОВАЛИСЬ ТОЛЬКО ТАКИЕ ТОВАРЫ НАРОДНОГО ПОТРЕБЛЕНИЯ, КОТОРЫЕ УЖЕ ВКЛЮЧЕНЫ В ПРОИЗВОДСТВЕННЫЙ ПЛАН.

пример. После пуска Оренбургского газонефтеперерабатывающего завода возникла проблема доочистки природного газа от сернистых соединений. Мы ее решали комплексной группой, в которую входили ученые, техники, рабочие. И решили: установка, выдержавшая испытания, демонстрируется на НТТМ-76.

Во ВНИИГАЗе больше половины коллектива — молодежь. 17 комсомольско-молодежных бригад, которые были созданы в институте, обследовали эксплуатационные скважины и газопроводы Крайнего Севера, Оренбургского и других газо-химических объектов, газопровод Средней Азии — Центр. В канун XXV съезда партии были завершены исследования (я снова должен повторить — комплексные), связанные с надежностью эксплуатации трубопроводных систем Северо-Тюменского района и подачи газа в Европейскую часть СССР. В состав бригады входили 34 молодых ученых, специалиста, рабочих. Подтвержденный экономический эффект от внедрения разработок — 5 миллионов рублей.

Сейчас готовимся провести конференцию, которая обсудит вопросы творческого содружества молодых ученых и специалистов института с комсомольско-молодежными коллективами произ-

ды, в том, что многие марки наших машин получили государственной Знак качества, что освоены десятки новых автомобилей и прицепов, — заметная доля труда, таланта, энтузиазма молодых специалистов. Именно в нашей отрасли — в автомобилестроении — на автозаводе имени И. А. Лихачева возникло и впервые организационно сформировалось движение научно-технического творчества молодежи, достигшее сегодня невиданного размаха. Можно назвать множество предприятий, на которых рационализаторы и изобретатели, носящие у сердца комсомольские билеты, не жалея ни времени, ни сил, «расшивали» узкие места, внедряли передовую технологию, соединяли научные разработки с повседневными делами, выполнением производственных планов. И нам всем было очень приятно услышать с трибуны XXV съезда КПСС добрые слова в адрес автомобилестроителей, которые хорошо поработали в девятой пятилетке.

Находки молодежи — в перспективных конструкциях машин сверхвысокой проходимости и сверхгрузоподъемности, машин, которые появятся в труднодоступных районах страны. Десятая пятилетка в нашей отрасли — пятилетка автопоездов. Тягачи для них будет поставлять Камский

автогигант—всесоюзная ударная комсомольская стройка.

Опираясь прежде всего на молодежь, автопромышленность Советского Союза выходит на самые передовые рубежи технического прогресса.

ЛЫУ МИНЬ ЦИ,
секретарь комитета Союза
трудящейся молодежи Хо Ши Мина
министерства металлургии и машиностроения ДРВ

— Мы приехали в Москву учиться у советских молодых новаторов. Наша страна вступила сейчас в новую эру, когда достижения научно-технической революции жизненно важны,—и в развитии научно-технического творчества молодежи мы будем опираться на исключительно разнообразный, богатый практический опыт Ленинского комсомола.

Мы привезли на НТТМ-76 экспонаты, которые рассказывают, над чем трудились молодые рабочие, инженеры, специалисты в годы войны и над чем они трудятся в дни мира. Вот, например, такое рационализаторское предложение: использовать для строительства мостов металлические цилиндры—«гильзы» отстрелянных противоздушных ракет. Или другое—простой способ взрывания магнитных бомб. Крестьяне идут по двум сторонам реки с проволокой, протянутой поперек потока. К проволоке привязаны куски металла. Они приводят в действие взрывной механизм, и «убийца замедленного действия» обезврежен. Таким способом были уничтожены сотни и сотни магнитных бомб, сброшенных с американских самолетов в наши реки.

А вот конструкция, которая используется на затопленных рисовых полях: под днищем трактора «Беларусь» крепится лодка-поплавок, а обычные колеса заменяются лопастными, как у водяных мельниц. Уровень воды до 30 см и грязевой слой до 40 см—не помеха...

Наши молодые рабочие, студенты, инженеры, которые побывали на НТТМ-76, увезли с собой огромный запас впечатлений. Мы благодарим советских друзей за щедрость, с которой они делились знаниями.

ЯН КРАЙДЛ,
секретарь Центрального Комитета
Социалистического союза молодежи
Чехословакии

— На мой взгляд, главная задача движения НТТМ в наших странах на нынешнем этапе—соединить творческую фантазию и инициативу молодежи с четким, быстро и надежно работающим механизмом реализации изобретений, рационализаторских предложений, открытий.

Мы недавно провели у себя в Чехословакии третью ярмарку «Зенит»—смотр мастерства и поиска молодых. И, конечно, с огромным удовлетворением приняли приглашение участвовать в НТТМ-76. Производят впечатление массовость движения научно-технического творчества в Советском Союзе, широкий охват всех социальных групп молодежи: пионеров и школьников, учащихся ПТУ, техникумов, вузов, молодых рабочих, специалистов, ученых. Радуют крепнущие связи между научной интеллигенцией и рабочими предприятий.

Один из вопросов, которые мы поручили своим товарищам изучить особенно тщательно,—это координация сотрудничества государственных, хозяйственных и общественных организаций, их совместной деятельности по быстрейшему внедрению в производство лучшего, что родится в умах молодых новаторов и изобретателей. И здесь копилка опыта у Ленинского комсомола неисчерпаема.

Выставка НТТМ-76 состоялась в год XXV съезда Коммунистической партии Советского Союза, в первый год десятой пятилетки. Экономический и человеческий эффект выставки невозможно вычислить—не существует и, вероятно, никогда не будет создан компьютер, который мог бы рассчитать, сколько творческой энергии, новых мыслей, идей она вызвала к жизни.

Выставка закончилась.

Научно-техническое творчество молодежи продолжается.

Подборка писем о любви, опубликованная в пятом номере «Смены», вызвала широкий читательский отклик. Одни читатели, как военный служащий Геннадий Непомнящих, сомневаются, надо ли писать в журнал о глубоко личном. Другие—Нина Петрова из Уфы, Владимир Ащеулов из Кзыл-Орды,—напротив, утверждают, что молодежная печать просто обязана говорить о любви и дружбе, ведь без них нельзя полно представить себе жизнь молодежи. Часть этих откликов была опубликована в № 11 «Смены». Сегодняшней статьей писателя Леонида Жуховицкого мы завершаем разговор о «трудной любви». Статья эта, сама по себе тоже небесспорная, разумеется, не ставит всех точек над «i». Да в этом и нет необходимости. Любовь не арифметика, здесь из схожих условий задачи порой вытекают очень разные ответы. Вот почему, публикуя читательские письма о любви и статью Леонида Жуховицкого, мы не искали одного, единственно верного решения, к которому пришло бы большинство участников дискуссии. Спор о любви вечен, как и сама любовь. Не так ли?..

ПРОШУ СЛОВА!

Фото Льва ШЕРСТЕННИКОВА

ТРУДНАЯ ЛЮБОВЬ

**Леонид
ЖУХОВИЦКИЙ**

Письмо о любви чаще всего вызывает у публициста чувство растерянности.

Публицистика—самая практическая часть литературы, своего рода отряд немедленного действия, скорая помощь, готовая сразу же отозваться на тревожный сигнал. Человеку плохо? Значит, надо помочь! Пожалуй, в большинстве случаев помочь удастся: ведь публицист неплохо вооружен.

Вас измотала квартирная склока? Ну, что ж, тут есть правила, на которые можно опереться. Есть общественное мнение. Есть, наконец, простая человеческая совесть: не часто, но все же удается ее разбудить, и тогда она поднимается с колен, брезгливо отбрасывает копейные счефы, и в ее светлом

пламени сгорают дотла еще не посланные анонимки.

Во многих случаях можно поддержать человека. Но вот просит помощи младший сержант Владимир Оверченко, который за месяц до призыва «совсем неожиданно, очень просто и случайно познакомился с одной девчонкой». Вот он рассказывает: «Однажды вечером мы говорили о жизни, а потом разговор продолжили клятвой друг другу, что мы всегда, всю жизнь будем вместе, что, как бы ни было ей трудно, она будет меня ждать и обязательно дождетсЯ. Я смотрел ей в глаза и верил, потому что не мог не поверить». Вот он жалуется: «Я написал ей очень большое письмо, а затем начал писать почти каждый день и с нетерпением ждал ответа. Но писем от нее до сих пор нет». Вот мучается: «Что мне остается делать, о ком меч-

В самом деле, вспомните, в какой глубокий, непричесанный быт погрузил писатель любимейшую свою героиню Наташу Ростову. Уж ей ли он не желал счастья! Желал и настаивал в эпилоге романа, что Наташа счастлива, и не вне быта, не вопреки быту — именно в быту.

А чтобы мысль его нельзя было облегчить и пригладить, писатель, жестокий в поисках правды, выбрал самые беспощадные, самые натуралистические детали: «Она дорожила обществом тех людей, к которым она, растрепанная, в халате, могла выйти большими шагами из детской с радостным лицом и показать пеленку с желтым вместо зеленого пятна, и выслушать утешения о том, что теперь ребенку гораздо лучше».

Вот какой быт — до пятен на пеленках!

Классики тоже не боги. Соглашаться с любым их утверждением не обязательно. Но задуматься всегда стоит. Разве не говорим мы сами, что любовь проверяется в испытаниях? Не клянемся делить с любимым человеком все трудности? Не стремимся взять на себя большую часть его ноши?

А если испытание сложнее, трудность суровее, ноша тяжелее, чем быт? Так, может, в этом и заключается истинная проверка любви — не просто пройти рядом сквозь быт, но и сделать его тягости радостями?

Да, любовь, ограниченная бытом, убога. Но любовь, боящаяся быта, ненадежна. И кто знает, какая картина больше достойна стать ее символом: он и она, обнявшиеся на набережной в лунную ночь, или двое, неторопливо моющие посуду после позднего ужина? Женщина у кухонной раковины, мужчина рядом с последним полотенцем в руках...

Не верьте сказке про Золушку — ее туфелька была обыкновенной, кожаной. Просто держал ее в руках влюбленный принц. А все наши любимые ходят в хрустальных башмачках...

Десятиклассник спрашивает: «Ну, а все-таки, что же это такое — любовь? Есть у нее какие-нибудь законы? Или, как поется в одной арии, «ее нельзя никак поймать?»

Человеку шестнадцатая, а его на теорию потянуло. Впрочем, по-своему, пожалуй, он прав: еще год или месяц — и все на свете теории будут для него бесполезны.

В самом деле, что же она такое — любовь?

Вечная «terra incognita», земля неизвестная, где каждый новый житель планеты, хочет он того или не хочет, — первооткрыватель, поневоле Колумб? Может, искусство, где все по вдохновению? Или все же наука, у которой свои законы, своя система исследований и методика побед?

Пожалуй, и то, и другое, и третье. Новичок, например, всегда Колумб. Откуда ему знать, что за горизонтом? Материк или мель, почет или кандалы, всемирная слава или смерть в нищете? Будущее для новичка закрыто. Увы, редко, почти случайно натывается он на свой Сан-Сальвадор.

А вдохновение, оно и в любви великая вещь. Потому что человеческие отноше-

ния тоже подвластны творчеству. Ведь как часто безответная любовь становится взаимной! Повезло человеку? Ну уж нет. Сам, своими руками, терпением, самоотверженностью сотворил то, что хотел. Вот уж кого стоит уважать! Ведь это потрудней, чем дом построить.

«Алые паруса» — на мой взгляд, не лучшее произведение Грина. Но символ, заключенный в романтической повести, жизненно точен. Ведь не было этой любви. Но стала. Выдумана, выношена, выждана и, главное, понята. Алые полотнища на реях — просто знак понимания. Молодцы эти двое — Ассоль и Грей!

Наверное, романтики обидятся, но любовь, увы, может восприниматься и как наука. Не только «наука страсти нежной, которую воспел Назон», но и нечто попроще, сугубо житейское, на уровне начальной арифметики. Грустно, но факт. Изучив несложные приемы и методы, вполне можно привлечь внимание, вызвать страсть, ревность, можно отнять и вновь дать надежду. Порой удается довольно долго держать в руках простодушную жертву, ловко управляя ее душевными порывами. Эйнштейны тут не нужны, счет идет в пределах десятка. Как сесть, как встать, как не ответить на письмо, как одернуть юбку, как вовремя улыбнуться другому или обнять другую... Человек, досконально изучивший эту элементарную математику танцплощадок и посиделок, редко остается нелюбимым: в кого-нибудь да попадает шрапнельный заряд по приемнику собранного обаяния. Нелюбимым не остается — зато живет нелюбящим. Еще неизвестно, что страшней.

Но и это еще не все. Человеку, оказывающему, мало быть просто любящим и любимым. Ему позарез необходимо быть понятым!

Ну, скажите, чего не хватало пушкинскому самозванцу? Чуть-чуть терпения — и получил бы сразу и корону и Марину. Но что власть над страной и красавицей! Отрепьеву, умному, хитрому, азартному и не трусу, хотелось кое-чего посущественней: чтобы женщина поняла. Во имя этого риск всем достигнутым. Во имя этого великая цена у фонтана.

Говорят, сам Наполеон в молодости так страдал от женского непонимания, что потом всю жизнь мстил слабому полу — по-мальчишески зло и изоцирено. Даже жениться вместо себя послал подчиненного с доверенностью, маршала Бертье...

Так что же такое любовь? Наука? Искусство? Колумбова тропа на воде? Дело не в формулировках. Дело в жизненных дорогах, которые каждый выбирает для себя. Какой путь безопасней — это, наверное, можно высчитать. Ну, а кто проживет ярче и богаче...

Есть старая поговорка: «Первая любовь всегда несчастна». Вы согласны выбросить ее, первую любовь, из головы во имя пятой или седьмой, вполне благополучной?

Марина Цветаева писала когда-то: «Между полнотой желания и исполнением желаний, между полнотой страдания и пустотой счастья мой выбор был сделан отродясь...»

Классик. Соглашаться не обязательно, но задуматься стоит!

Анатолий ПАРПАРА

Морозный день

Морозный день — ограда детям!
Из школы только — за коньки
и, обо всем забыв на свете,
узорить желтый лед реки!
То взапуски напропалую
стрелой отпущенной летят,
то смастерят возню такую,
что в той возне сам черт не брат.
Уже и куртки нараспашку,
а у кого пальто долой!
И в этой схватке рукопашной
любим, как воин удалой.
Кто побежден,
кто победитель,
не различит и зоркий взгляд,
но посмотрите,
посмотрите,
какие лица у ребят,
какой румянец во всю щеку,
как бы подаренный зарей,
и взор глубокий, ясноокий,
и кровь, взбодренная игрой!
Но все синее,
все синее
густеет небо над землей,
и все сильнее,
все сильнее
крик матери: «Домой! Домой!»

По Байкалу

Дорога идет по Байкалу
Вдоль серой шеренги гольцов
Усталость в баранку впаяла
Машины его кулаков.
В салоне автобуса шумно,
И едущих праздничный вид,
И хмелем удачная шутка
Сердца молодых веселит.
А кто-то, уставясь в окошко,
Глядит, как янтарно горит
Весенний
веселый кокошник
Вечерней
байкальской зари.
Когда объезжали торосы —
Сапфирные глубины льда, —
Я сам,
зачарованный, бросил
Старинное: лепота!
И только шофер свои брови
Сдвигает
и опытный глаз
Вперяет,
дабы колобовник
Не выбросил души из нас.
Он знает: бессмертные выси,
И горы, и льда волшебство —
Все это сегодня зависит
От рук мускулистых его.

Пейзаж

Валера, «газик» наш притормози!
Давай посмотрим на крутые горы
и на снега в синем просторе,
пусть обгоняют МАЗы и такси!
Еще вчера буянила пурга,
не пробивали на пять метров фары,
и чуткий «газик»,
как олень усталый,
без отдыха не мог и три шага.
Сегодня в красной дымке березняк
и кедр стоит зеленокудрым Лелем,
а Селенга застыла до апреля,
как серебро, в сусальных берегах.
Ты посмотри,
как тлеющий закат
раздуть стремится ветер-непоседа,
прислушайся,
как бьется часто сердце
Байкала,
и поймешь: свежее март.
Валера, милый,
зорко посмотри
и согласишься:
вчерашие мученья
с лихвой нам искупило приближенье
такой неунывающей зари!

Распилка дров — мужское дело.
Две-три минуты... и горит
разгоряченной кровью тело,
и ритму в лад душа звенит.
И начиналась,
начиналась
моя работа, не спеша,
и ритму тут же подчинялась
безоговорочно душа.
И незаметно,
незаметно
с физическим расходом сил,
накапливаясь,
ток ответный
в порядок мысли приводил.

Промчался ветер по садам
И дождь устроил лепестковый.
И сердце, ровное всегда,
Заполнило чувством новым.
Еще мелодии простой
Душа бесхитростно жаждет,
Но, словно майский травостой,
Живую влагу набирает.
И руки нежные твои
Еще томятся и тоскуют,
И ожидание любви
Чуть больше,
чем любовь, волнует.

Рисунок Владимира ДЕЛБЫ

М. Макошину из Вологды, Т. Алферову из Уфы, А. Мамонтову из Оренбургской области, Л. Овчинникову из Омской области, Т. Тайвина из Горька, Л. Ковенко из Московской области, Д. Дехтяр из Красноярского края, Р. Герасимову из Иркутской области, С. Айтмухамбетову из Алма-Аты, Ю. Соколова из Астрахани, Г. Крицкую с о. Сахалин, Р. Серажетдинову из Баку, А. Надирова из Алма-Аты, А. Дегтярева из Ейска, А. Бейсенова из Семипалатинска, В. Никора из Анджана, Ш. Каримбаева из Алматы, О. Субботину из Златоуста, П. Букрина из Челябинска, А. Пушкину из Павлодара, С. Герценштейн из Ворошиловграда, Н. Кучаевского из Новосибирска, О. Куц из Стерлитамака.

Редакция получила более четырехсот откликов, и, естественно, имена всех читателей, принявших участие в обсуждении темы, назвать просто невозможно... Мы благодарим всех наших авторов и приглашаем читателей активно участвовать в обсуждении материалов, публикуемых под рубрикой «Прошу слова!»

М

и связались с оперативными, как только вошли в район. Он начался сразу после восточной банки и был вычерчен на командирской карте на квадратах, как все остальные, в прямоугольнике и сместился от «островной» далеко на восток. То ли потому, что это была наша исходная точка, то ли в действительности так и было, но море казалось здесь толще и прозрачнее, чем в других местах. Мы шли на самом малом мине вставших на горизонте заброшенных нефтяных вышек, вдали от времени спугивая плавных нарп, качавшихся на воде мачетом вверх.

Командир тральщика капитан-лейтенант Ганин сам доложил оперативному дежурному по флотилии о выходе корабля в заданный район,

наши точные координаты и вжливно замолк, ожидая дальнейших указаний. Было слышно, как оперативный, в свою очередь, «по прямому» докладывал о выходе нашего тральщика кому-то из высшего командования. Потом оперативный опять «активировал» Ганина и начал передавать задачу, а наш командир записывал цифры колонку за колонкой и, только дописав последнюю, спросил: «Что там синоптики?» Служба погоды обещала колебания ветра, и то очень неуверенно.

Когда собрались все офицеры, Ганин объяснил учебную задачу: в трех часах хода отсюда — караван транспортных судов. Район заминирован противником, характер мин не установлен. Обходного пути нет. Идя курсом каравана, мы должны рассчитать ему фарватер от мин. Для подстраховки с караваном идут еще два тральщика.

С минуту все молчали. Потом штурман Виктор Баранов сказал, что наша святая обязанность «умыть» коллег, идущих следом. Виктор был еще совсем молодой офицер и не понимал, что о таких вещах вслух не говорят. Поэтому Ганин на слова штурмана не

отреагировал никак, а мичман Курочка, по долгу службы присутствовавший на совещании, заметил, что если тральщик оставит в фарватере хоть одну мину, он, Курочка, подает рапорт о списании с корабля.

— В общем, так, — Ганин встал, — делаем все, как обычно, тралить начнем через десять минут. Установкой контактного трала руководит лейтенант Баранов. — Он сделал паузу. — Будем расстреливать мины с борта... Однако не исключено, что придется взрывать со шлюпки. А караван будет здесь через три часа. Поэтому работать надо быстро, но аккуратно...

Давно еще, в первом походе на боевом корабле, услышал я от кого-то это выражение «чистильщики моря». Ходили мы тогда на новом, только с завода, быстроходном красавце БПК, этом морском аристократе. Отдыхали в комфортабельных каютах, принимали душ четыре раза в день. Все кругом сияло чистотой и свежестью. Трудная работа машин совершалась где-то глубоко внизу, ничем не проявляя себя, кроме гула. Не корабль — санаторий на воде. Однажды в роскошной кают-компании зашел разговор о том, где кто служил прежде. Оказалось, что двое офицеров начинали на тральщиках. Все находившиеся в кают-компании почтительно повернулись к тем двоим. А старший по званию — седой капитан 1-го ранга с орденскими планками на кителе — встал и, подняв бокал с лимонадом, предложил тост за «чистильщиков моря». И по тому, как он это сказал, я понял, что служба на тральщиках, наверное, самая трудная.

— Обе стоп, право на борт, — командует Ганин. — По местам стоять, трал приготовить.

Трехметровые оранжевые ведущие буи, внешне напоминающие торпеды, укладываются на отводители — железные сани, которые должны оттянуть буи от корабля, поставить трал под нужным углом. На корме распределяются Баранов и командир отделения минеров старшина 2-й статьи Дмитрий Обухов, всегда спокойный, уверенный в себе, рослый, мускулистый парень. Он одной рукой удерживает отводитель, другой правит трос, прикрепленный к буям. Тут не мешкай: даже на малой волне тральщик валится на борт, буи ходуном ходят по палубе, не удержишь — переломают кормовые надстройки, скатятся за борт, лави их.

По тому, как ходят желваки по лицу Обухова, видно, чего стоит ему это внешнее спокойствие.

Обухов попросился на тральщик сам, хотя ему, как отличнику, можно было после «учебки» попасть на любую корабль, на тот же сторожевой, где служба считается не столь хлопотливой. А он выбрал тральщик, да еще минерское дело, самую рабочую из морских профессий. За два года службы сколько он учебных мин обезвредил — не сосчитать, и всегда у него все получается профессионально чисто. Только однажды сплеховал — утопил патрон для подрыва; качка была сильная, патрон и выскользнул. Пришлось за новым на корабль возвращаться. Несколько штрафных минут на команду тогда записали. Ну, да с кем не бывает! После того случая Обухов во время минирования патроны мертвой хваткой держит.

— Курс 132, — кивает Ганин рулевому и, выглянув из рубки, кричит в мегафон: — Что на юте, не слышу доклада?!

— Извините, товарищ командир, увлеклись, — отвечает Баранов. — Буи к постановке готовы.

— То-то...
Жарко, а Ганин одет по всей форме. У него такая манера: когда корабль начинает тралить или выполнять другую задачу, Ганин застегивает все пуговицы и поправляет галстук. И не расслабляется, пока все не будет кончено. Один из лучших офицеров флотилии, «чистильщик № 1» (так его

ЧИСТ

называют товарищи), Ганин любит и понимает море, как немногие, хотя никогда этим не бравирует. Он знает почти каждую отмель, наизусть помнит рельеф дна большинства районов, может работать за минера, за трюмного машиниста, за штурмана, за наводчика. У него есть свои странности. Например, ночевать предпочитает на корабле, на берегу у него бессонница, в кают-компании сидит только в своем кресле, не любит жареную рыбу и может сутками обходиться без воды в любое пекло. За отличную боевую подготовку экипажа он награжден орденом «За службу Родине в Вооруженных Силах СССР» III степени.

Один из старших офицеров штаба флотилии сказал нам, прежде чем направить на тральщик Ганина:

— Отличный экипаж, дружный, талантливый, полное взаимопонимание между командиром и подчиненными, любую задачу выполняют быстро, слаженно, добросовестно. Немало у экипажа и регалий: две грамоты главнокомандующего ВМФ, знамя ЦК ЛКСМ Азербайджана, призовые места по флотилии за результаты в боевой и политической подготовке.

Завоеванную упорным трудом марку лучших надо держать, поэтому молодым матросам на первых порах приходится трудно, пока они войдут в ритм корабельной жизни, познакомятся с техникой, закалятся физически и морально. Процесс внутренней перестройки происходит в каждом, кто принимает воинскую присягу. Только научившись подчи-

нять себя службе целиком, можно стать настоящим защитником Родины, таким, как Ганин, как Обухов, как Петр Лозко, как многие другие на тральщике.

Конечно, одному Ганину за всем не усмотреть. У командира обязанностей хватает, только успевай поворачиваться. Но за политико-воспитательную работу на корабле Ганин спокоен, с замполитом ему повезло. Бывший воин кремлиевского гарнизона, часовой поста № 1, ныне лейтенант Владимир Кравцов оказался прирожденным комиссаром, верным товарищем, надежным помощником. Как-то мы с ним разговорились, и я спросил его, почему он не пошел в сухопутные офицеры, все-таки за спиной была служба в Кремле—высокая честь, которой удостаиваются немногие. «Плавать хотел с детства»,—ответил он просто,—ничего не мог с собой поделаться. Поэтому после «срочной» и поступил в военно-морское».

Через два часа замполит Владимир Кравцов примет командование шлюпки минеров. Не потому, что это его обязанность по штатному расписанию,—он сам должен убедиться в том, что все сделано правильно. Убедиться, как замполит, как коммунист, отвечающий за выполнение учебной задачи наравне с Ганиным.

Тяжело шлепаются в пенящуюся воду оранжевые буи, уходят вместе с тросом от корабля. Слово гигантские сверхчувствительные усы, расходящиеся в стороны траловые тросы, опущенные на несколько метров под воду. Мы сбрасываем ход и начинаем чистку фарватера. С обоих бортов несколько пар глаз напряженно прощупывают поверхность моря. Срезанные специальными ножами, укрепленными на тросах, мины должны всплыть через некоторое время после контакта с тралом. Иногда удар трала о трос, на котором держится мины, довольно силен, и по его вибрации можно догадаться об «улове». Но это только иногда, так что в основном полагаться приходится на собственное зрение. Даже приборы порой не в силах отличить помехи, которые ставит противник, от настоящих мин.

Первым заметил мину Баранов, контролировавший левую сторону.

Взлетел на мостик, еще раз навел бинокль на пляшущую в волнах точку и, только убедившись на «все сто», крикнул:

— Товарищ командир, вижу цель по левому борту, дистанция полтора кабельтовых!

Ганин кивнул, приказал выбрать трал. Можно было протралить весь район и расстрелять мины на обратном пути, но, учитывая обстоятельства, командир решил обезвреживать цели по очереди: слишком мало времени оставалось до подхода каравана, слишком ненадежным было каспийское безветрие. Поэтому Ганин предпочел действовать наверняка.

Мы выбираем трал не полностью, чтобы потом не терять времени на разведение буев, ложимся на правый борт и, описав полукруг, подходим к мины метров на сто пятьдесят. Раздается команда: «Кормовую установку к бою!». Мины обыкновенная, якорная. Такие ставят неглубоко, на тросах, и срабатывают они, как только над ними появляется борт. Одной мины вполне достаточно, чтобы развалить средний танкер.

Нас постепенно отнесит от цели все дальше, надо стрелять, а Обухов со своими ребятами медлит. Ему хочется расправиться с миной, истратив минимальное количество снарядов. Черная точка качается на волнах вверх и вниз, скрывается из глаз, появляется опять. Потом я понял, что Обухов ловил мину на гребне. Первый выстрел—немного выше, чем надо. Ганин хмурится, чувствую, если сейчас комендоры смажут, он сам побежит к установке. Клацает замок орудия, звенит горячая гильза о металлический щит, заваливает от грохота уши, высокий столб воды, поднятый взрывом, гаснет, оставляя круги там, где легли осколки. Есть первая. Улыбается Обухов, улыбаются Ганин, Баранов, Кравцов, все, кто оказывается поблизости.

— С тебя лишний компот,—кричит Обухов корабельному коку Геннадию Червяку,—ты спорил, что с третьей!

Гена кивает головой и выбрасывает вверх большой палец правой руки: «Принято».

Мы тралим дальше. Через четверть часа на ют вылезает один за другим трюмные, у них смена. Пристраиваются кто где, но так, чтобы видеть трал; три пары лишних глаз—не помеха. Широкоплечий Петя Лозко—старшина 1-й статьи, командир отделения, отличник ВМФ, секретарь комсомольской организации; Игорь Микеров—боксер-разрядник, упрямый, резковатый парень; Александр Тренгенш—старший матрос, тихий, очень скромный, прекрасный знаток своей машины.

Лозко еще на первом году службы стали уважительно величать по име-

ни-отчеству—Петр Демьянович—за добрый, открытый нрав, принципиальность, требовательность к себе. Авторитет Лозко на корабле высокий, слушаются его беспрекословно. Он же во всех спорах ребят—третьей судья. И дело знает и объективен.

У Лозко с Микеровым отношения особые. Год назад Игорь серьезно нарушил дисциплину. Находясь в командировке, поспорил с кем-то из товарищей, нагрубил. Отбив наказание на гауптвахте, Игорь должен был вернуться на корабль. Комсомольцы, узнав о его проступке, возмутились и пришли к Ганину с предложением списать Микерова на берег, как нарушителя дисциплины, позорящего своим поведением отличный корабль. Ганин отложил решение до возвращения Игоря на тральщик и предложил обсудить вопрос на комсомольском собрании.

Резко говорили тогда ребята: Микеров смазал все достижения коллектива, наплевал на товарищей, опустился до грубости, не место такому на корабле. Игорь стоял, опустив голову, сжимал до боли кулаки и молчал. Товарищи говорили правильно. Тогда встал Лозко и сказал, что верит в исправление Игоря, что списание на берег—самый большой позор для матроса. А сделать это не поздно и потом, если Микеров опять сорвется. Лозко поддержали Кравцов и кое-кто из ребят. На один голос больше получило предложение оставить Микерова на тральщике под личную ответственность Лозко. И Петр стал делать из Игоря человека. Как это происходило, в двух словах не скажешь. Но факт есть факт—Микеров под влиянием Лозко менялся. И пусть порой он еще бывал груб, в нем уже произошел самый важный перелом. Это поняли все после того злополучного шторма.

Пятнадцать часов подряд тральщик бросало из стороны в сторону; четыре балла на Каспий—это все семь на Черном. Вода заливала верхнюю палубу. Даже самые бывалые моряки валились без сил на койки. Застыгнувший в открытом море, лишенный возможности укрыться в какой-нибудь бухте, корабль мог наскочить на рифы, если бы экипаж не продолжал яростно бороться со стихией. И среди первых был Микеров, все пятнадцать часов простоявший возле машины и, не смотря ни на что, оставшийся до конца на своем посту. Когда шторм утих, Микеров вышел вверх черный, с кровоподтеками на руках и, так и не дойдя до кубрика, рухнул и заснул, до последней степени изнуренный самой трудной в своей жизни вахтой. Что это было—физическое усилие или напряжение воли? Думается, то и другое. Любого одного из этих качеств не хватило бы.

Погода портилась. Мелкая рябь сменилась тяжелыми, хотя пока еще ровными волнами; они накатываются на борт, лижут палубу, уходят за близкий горизонт. Мерное, однообразное покачивание волн, блестящих под ярким солнцем, изнуряло глаза, усыпляло. Поэтому мину заметили поздно. Заметили в самый последний момент, когда даже секунда промедления была бы роковой для нас.

Владислав ЯНЕЛИС. Фото Альберта ЛЕХМУСА. Специальные корреспонденты «Смены»

ЫЙ ФАРВАТЕР

— Обе стоп, полный назад!—заревел Ганин и рванул на себя рычаг руля.

Мина покачивалась метрах в десяти от носа, зелено-серая, едва выступающая из воды, с короткими черными рогами. Все мы затаив дыхание следили за ее мерным покачиванием и боялись проронить слово. Мина была учебной, и, даже коснувшись рогом борта, она не взорвалась бы, но привычная осторожность, профессиональная бдительность людей, всегда готовых действовать, как в бою, не позволяла расслабиться. Кроме всего прочего, случается, что всплывают на поверхность морей старые военные мины—ржавые, изъеденные солью, но все еще смертельно опасные.

Мы чуть сдали назад и, обойдя мину с подветренной стороны, изготовились к стрельбе. Расстрелять мину было приказано лучшему в экипаже расчету комендоров старшины 2-й статьи Евгения Климова. Попасть в почти игрушечную цель на такой волне было делом непростым, три раза снаряды шли мимо, и только на четвертый Климов, точно рассчитав колебания волны, утопил мину, пробив ее насквозь. Потом он стоял с еще белым от напряжения лицом, а Ганин, продолжавший неотрывно глядеть в море, сказал, чтобы Климов передал ребятам: за каждую потопленную мину—увольнение на берег для двоих матросов.

Через двадцать минут мы затрели еще одну мину и едва успели ее расстрелять, как радист принес Ганину радиограмму: караван подошел к району, просит подтвердить курс и чистоту фарватера. Командир вызвал штурмана и, коротко с ним переговорив, велел передать на флагман требуемые данные и добро на вход в район.

— Через полчаса караван, который идет полным ходом, будет здесь,—сказал Ганин.

И мы бы успели выйти навстречу каравану, как это здесь водится, чтобы пожелать ему тихого моря, если бы не полученный по радио приказ: взрывать последнюю мину со шлюпки. Она всплыла почти на самой границе района, когда уже можно было выбирать трал, и все мы думали, что делу конец. И тут вдруг эта.

— Чтоб ее леший взял!—выругался Микеров и полез обратно в машинное.

Ганин, расстегнувший было верхнюю пуговицу рубашки, опять застегнулся и, посмотрев на часы, скомандовал построение корабельной подрывной команде. До подхода каравана оставалось 15 минут.

— Товарищ командир,—обратился к Ганину Кравцов,—разрешите принять командование шлюпкой?

— Успеешь, Володя?

— Надо успеть, командир.

Корабль шел, выбирая на ходу трал, а шлюпочная команда и минеры уже стояли наготове. Едва ведущие буи подошли к кран-балке, Кравцов прыгнул в шлюпку, за ним остальные. Обухов с патронами—последним.

Шлюпка сильными рывками, все ускоряя бег, взлетая на волнах, неслась к мине. Кравцов, сидевший на руле, взял напрямик, чтобы сэкономить несколько секунд, и от этого волна била в борт и заливала нас с ног до головы. Но что волна! Главное—успеть взорвать мину. Мы знали, что с корабля за нами смотрят все, кто был свободен от вахты, смотрят и считают минуты.

— И р-раз!—неумолимо звучала в ушах команда Кравцова, и некогда было повернуть голову, посмотреть, далеко ли ушли от тральщика и где же эта чертова мина.

Впереди меня спина Пети Лозко. Парень-то вроде не богатырь, а на веслах работает легко, только лопатки заслонками ходят. А тут с непривычки мускулы прямо окаменели. И сколько было уже этих «и р-раз»—сто, двести? Кажется, что идем уже полчаса, а на самом деле не прошло и пяти минут.

— Суши весла!—весело кричит Кравцов и хватает отпорный крюк.

Теперь надо действовать осторожно, ни в коем случае нельзя касаться рога. Обухов с Кравцовым подводят мину к самому борту. Лейтенант страхует, Дмитрий быстрыми, точными движениями крепит патрон.

— Готово,—тихо говорит он,—можно идти, товарищ лейтенант.

Идти—это значит удирать как можно быстрее. Время взрыва строго определено, мы должны успеть отойти на безопасное расстояние. При такой волне это сделать трудновато.

— Поехали. И р-раз!—снова кричит Кравцов и включает секундомер. Он один контролирует время, остальным не до того, мы на веслах. И опять стремительно мелькают лопатки Пети Лозко, неумолимо и требовательно звучит «и р-раз» лейтенанта.

— Ложись!—кричит он. Мы падаем на дно шлюпки и еще несколько

— ПРОХОД СВОБОДЕН. КАК ПОВЯЛИ?

РАЗГОВОР О ДЕЛАХ КОМСОМОЛЬСКИХ.

**ЧЕРЕЗ НЕСКОЛЬКО СЕКУНД МИНА
БУДЕТ РАССТРЕЛЯНА.**

— БУИ НА ВОДУ!

секунд качаемся на волнах в полной тишине. Лежим в нелепых позах и ждем. Взрыв ударяет откуда-то снизу, из глубины, тяжело звенит в ушах, осколок мины свистит совсем близко и шлепается в воду в двадцати метрах от шлюпки. Почему-то не хочется поднимать голову, словно не все еще кончилось.

У нас даже осталось время подняться на корабль и переодеться, прежде чем ближайший к нам тральщик, один из двух, сопровождавших караван, показался на горизонте.

Когда он поравнялся с нашим бортом, Ганин, застегнутый на все пуговицы, вышел на сигнальный мостик и козырнул. А потом прокричал в мегафон, что ставит бутылку коньяка командиру, если он выловит после нас хоть одну мину. Тот ответил, что не пьет и вообще обойдется.

На обратном пути мы встретили «рыбака» и, справившись об улове, попросили у него кильки. Капитан «рыбака», молодой черноусый парень, распорядился послать нам четыре ящика свежемороженой каспийской кильки и пожелал удачи.

Оказывается, нет ничего вкуснее этой самой свежемороженой соленой кильки, особенно если запить ее потом крепким чаем.

Краснознаменная Каспийская флотилия.

Старая женщина поглядела на Наташу и почему-то вздохнула.

— Кабы не человек... Да и ему погибель бы вышла, не наткнись я на него. Он, как и я, замерзал уж в снегу. Тожесть беглый, с самого Александровского централа ушел... Это он потом обкасал мне, когда мы...— Старушка вдруг загнулась, опустила блестящие глаза. И, разглаживая одеяло на острых коленках, закончила: —...когда мы оклемались обоим маленько, отошли. Иваном его звали... зовут...

— Значит, он жив?—спросила Наташа.

— Живой... А тогда плох был, думала я, и не выживет. Медведь-шатун его поломал. Сильно поломал— снег вокруг него весь был кровью пропитанный. Его ли, медвежьей ли, не поймешь. И обоим лежат рядком— он и зверь лесной. У медведя брюхо располосовано ножиком, кишки вывалились, пар от них идет... Я, как наткнулась на такую картину,— обомлела, попятилась было назад. Да он, человек тот, Иван, поднял голову, глядит на меня: откуда, мол, такое явление? А я до этого почти неделю шла голодная, во рту, кроме лесных шишек, ничего не было. И застудилась я— ведь оборванная, ободранная была— голова который день как чугунная, горячая. Не знаю, зачем я еще шла куда-то, откуда сила бралась? Иду по тайге, а в голове одно— приткнуться в снег, задремать, да и дело с концом. Кончатся, мол, разом все мучения.

— Я это понимаю,— вырвалось как-то само собой у Наташи.

— Ты понимаешь!—вдруг проговорила старая женщина строго.— Да ты— дура голимая! Такое ли твоё дело было, как мое тогда?! Да и я... Как призналась после Ивану об таких мыслях— он меня на чем свет обругал. Дура, грит, ну и кому что доказала бы? Человек до последней силушки должен за себя стоять.

— Да, это правда. Это правда, Акулина Тарасовна,— после некоторого молчания произнесла Наташа.— Ну и что... дальше?

— Дальше— что?!— задумчиво сама у себя спросила старуха.— Попятилась я, загнулась об валежину какую-то, упала в снег. А человек, Иван, все глядит на меня. И улыбнулся вдруг... Вот, доченька, хоть верь, хоть нет, до седины эта его улыбка стоит перед глазами. Сколько годов прошло... Жизнь минула. А я помню. С ней и помру. Глядит и улыбается. «Откуда,— грит,— такая ты хорошая?» «С Акагуя»,— отвечаю. А сама на медвежьих кишках смотрю. Кровь еще с медведя течет и в голову мне долбит— подползти и напиться этой крови, мяса сырого зубами отхватить. Да не смею. Он догадался об этом, спрашивает: который день не ела? Я говорю: четвертый, а может, пятый. «Совсем ничего?» «Совсем... кедровые орехи жевала, правда». Ну тогда, грит Иван, ничего, глотни медвежьей крови...

Наташа при этих словах вопросительно приподняла лишь голову.

— А что ж... подползла к зверю, зачерпнула ладонью из брюха. Кровь уж загустела.

— Боже мой! Боже мой!— дважды воскликнула Наташа.

— Страшно? Али противно?

— Не знаю...

— Да, Наташенька. А я вроде слаще ничего до этого не пила, не ела. Ну, крови этой я с пригоршню выпила— голова еще шибче кругом пошла. Опьянела я и про Ивана забыла, куда его голос не пробился, как сквозь стенку: «Тут овраг рядом, вон за теми соснами, я там ямку вырыл, ночевал там... Отволоки меня туда как-нибудь, если сможешь...»

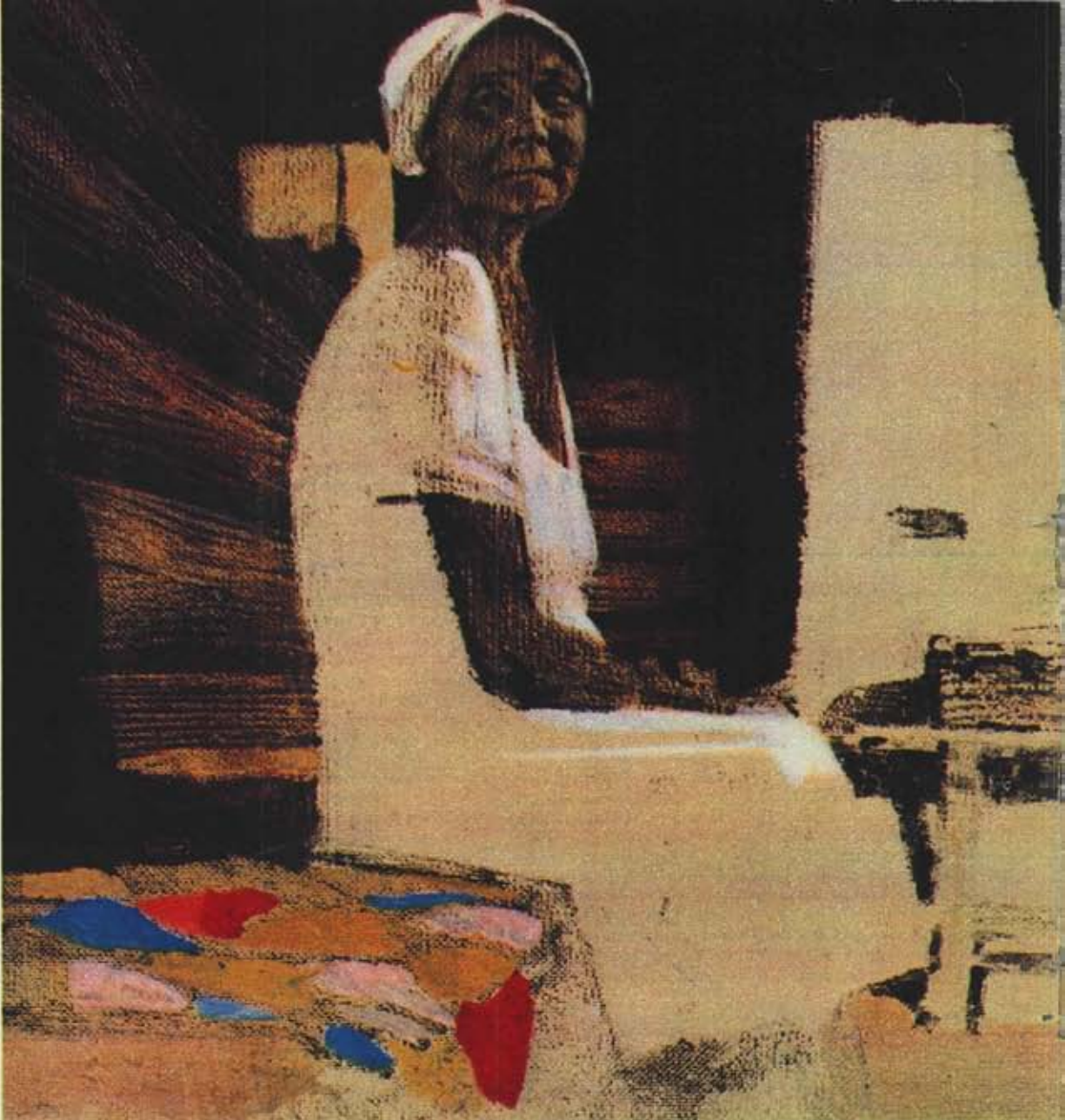
Во все это, что рассказывала старуха, Наташа теперь и верила и не верила. Бабка Акулина была худенькая, тощая, высохшая, трудно было представить ее молодой женщиной, трудно вообразить, что на ее долю выпали такие страдания, такая судьба. И Наташа непроизвольно воскликнула:

— Неужели... неужели так все и было?

— Так, дочка,— вздохнула слабенько старуха.

— Не может быть, не может быть!

— А было,— повторила она с какой-то грустью.— Как я отволокла этого Ивана в яму ту, не помню. Стонал только он громко, это помню. Спины и бок у него до костей были располосованы, правая рука вывихнута зверем. Это я сразу поняла и вправила, как в земную норку заползли. Кости выправлять меня еще мать научила. Поддержала руку, он в бессмятстве от боли ушел. А на лице капли потные. Что ж, думаю, отойдет. Покуда он был в бессмятстве— все тело обсмотрела. Оказалось, что и нога до самого паха тож котками разорвана. Господи, что с им делать? И сама я вся в жару, в голову молотками колотит. Выползла наружу. Морозы уже несильные, слава богу, стояли. Спички у меня были, разожгла кое-как костерок. Пошла на то место, где его шатун ломал, там я котомку вроде этого парня видела. Подобрала котомку— там тряпье какое-то, котелок, тужурка

рванная, один почему-то сапог. А ножик... ну, обыкновенный кухонный ножик с деревянной ручкой в снегу увидела. Этим, значит, ножиком на медведя-то! Кухонным. Скажи— не поверят. Вернулась к костру, натопила снегу в котелке, обмыла, как могла, его ранки, обвязала тряпьем. И тут сама в бессмятстве провалилась. Чую, что проваливаюсь, а в голове сверкает: околеет ведь обоим от мороза! Кое-как дыру в ямку тужуркой этой, ветками прикрыла... Господи, Наташенька! Да разве все расскажешь? Где и слов взять!

— А вы найдите! Найдите...— умоляюще прошептала Наташа.

Воспоминания о прошлом разволновали старуху, она легла, натянула одеяло до подбородка, голову чуть повернула в сторону. Тоскливыми глазами, не мигая, долго глядела в черный проем окна. Там, в черноте, за мраком нескончаемых лет, было ее страшное прошлое, она, подумала вдруг Наташа, видит его сейчас ясно и отчетливо, и от этой мысли у нее потек озноб по всему телу— страшно вспомнить все это, а каково пережить?! И где ж было взять столько человеческих сил?!

Чувствуя, что с ней что-то происходит, и не умея еще объяснить этого, Наташа еще раз попросила: — Найдите. Как же вы там, дальше?

— А дальше что ж? Оклемаюсь я, а он еще турусит в бессмятстве. В жару пылает весь. Нетнет уж открыл глаза, диким зрачком буравит меня во мраке. Потом, различаю, зрачок потешел. Узнал, значит, вспомнил... Ну что ж, стала я ходить за ним. Первым делом мяса медвежьего ножиком кое-как наскоблыла, отвар сварила... Э-э, да что! И у него и у меня силушки кончились, потухали обоим, как сгоревшие головешки. А сошлись вот в тяжелой судьбе— зачадили кое-как, огонек снова и занялся... Медвежьим мясом спаслись. Ранки его и хвойным настоем промывала, распаренной березовой корой обвязывала. Березка, она великий лекарь, доброе дерево, на счастье людям дадено. Через месяц он вставать начал... Ну, в общем, скоротали мы зимушку. У меня в узелке петли проволочные и волосные были. Зайчишек ловили иногда, рябчиков... А по ранней весне, как травка пробиваться начала, мы и разошлись.

— Разошлись?!

— Ага,— кивнула старуха.— По политическому делу он сидел, не могу, грит, больше в норе этой торчать, друзья-товарищи ждут. Норку-то жалко было покидать, обжили мы ее, раскопали пошире, печку из глины сделали, трубы из корья вывели. Внутри той же глиной обмазали— она, труба-то, славная получилась. Он, Иван, придумал,— улыбнулась Акулина Тарасовна.— Он на все руки оказался мастак. Маста-ак, славный...

Отсвет от улыбки долго держался на изношенном лице старухи, таял нехотя, медленно— видимо, она вспоминала из того давнего что-то приятное, сокровенное. Наташа это почувствовала женским чутьем, отчетливо поняла, что спрашивать об этом ни в коем случае нельзя, это надо оставить только ей одной. И сдержанно, осторожно вздохнула.

Но этот неприметный вздох все равно смахнул с лица Акулины Тарасовны остатки улыбки, дряблые веки ее испуганно дрогнули. Она прикрыла глаза ладонью и долго держала руку на лице.

— А вместе... нельзя вам было идти?—спросила Наташа. Проговорила и подумала, что и этого, наверное, не надо, нельзя было спрашивать, чтобы не оскорбить, не замарать то сокровенное, что почудилось ей за улыбкой старухи.

— А мы и пошли было вместе. Хотя, сказать, по одному беглым-то ловчее пробираться— где в щель юркнул, как ящерица, где в кусты заполз да затаился... Да Иван грит: ты меня не бросила помирать в беде, и я тебя одну не могу оставить в лесу. Пойдем вместе как-нибудь. Ну, пошли. Да недолго шли вместе-то. Через неделю, что ли, пошел он ночью в какую-то деревушку провизин добыть. Голод, он, говорится, не тетка. Меня в канаве какой-то оставил на краю деревни. Сиди, грит, и жди. А ежели что, ты, Акуля, пробираться к городу Новониколаевску. А доберешься— меня спрашивай. Не в полиции, ясное дело, а у рабочих в депо, на маслобойке поспрашивай аккуратно. Люди тебе укажут, ежели я там буду, я тебя никогда не забуду... Да, так он и предупредил, будто чуял что. Деревушка та сплошь кержацкой оказалась. А кержаки беглых не шибко жаловали пропитанием-то. Чаше связывали, да к старосте, а тот— к стражникам, к уряднику. Сжигу я

— И выскажу! И не только ему!

— Поликарпу?—Старуха повернула к Наташе легкую голову.—Да он и сам все знает. Эх, ты, горячуха... Жизнь-то человечья—речка вековая. Весной, бывает, разольется речка, берега затопит, дома снесет... Громотуха сейчас обмелела почти-то, а ране, бывало, целые деревни с берегов слизывала. Что же, за это ее надобно запрудить, камнями завалить, под землю схоронить с лица земли?

— Не об том вы говорите!—возразила Наташа.—Это стихия... И вообще при чем тут река? О человеческих поступках речь.

— Ну да, об человеческих,—согласно проговорила старуха.

— А они бывают благородными, а бывают подлыми!

— Это тоже верно,—кинула старуха.—Вот, много подлых-то я поступков от Филата моего перенесла. Взгляд-то он меня вон какую, от властей прикрыл, ладно уж, все думала. А вот одного дела его не вынесла... И сбежала от него из Облесья. Сюда вот. Сколь годков уж одна тут живу, люди-то и считают меня бобылкой.

— Какого же поступка?

— Петьку-то Зубова, бандита этого, мой Филат, считай, вырастил.

— Ка-ак?!—привстала даже Наташа.

— А так... Да ты сядь, чего уж, все по порядку доскажу... Значит, как произошло? Кафтанов-то, отец Анны Савельевой, живодедом оказался—не приведи господь, тоже свой отряд собрал, за Кружидином гонялся по лесам вместе с тем полковником Зубовым. А малолетнего сынишку своего Макарку с Лушкой Кашкаровой к нам в тайгу доставил, велел их Филату спрятать в лесных глыбах и, значит, оберегать. Ну, он и оберегал... Укрывал их по замкам. И в той избушке, где меня нашел, жила она, и в других. У Филата их много по тайге было. Да и сейчас есть. Вот, значит... И жил он с Лушкой напрадую. С другими ладно—помогает в блюде да бросит. А к этой прикипел. Я-то венчанная, значит, как бы там ни то—от бога, а с ней—так... Две жены, значит, у него стало как бы. Приедет в Облесье, поживет со мной, да в тайгу на неделю... Потом, слышу, Зубова-полковника где-то прикончили, я помолилась за упокой... А Кафтанов прислал к Лушке его сына-малолетку, Петьку этого, который в вора-бандита теперь по тюрьмам вырос.

Акулина Тарасовна потихонечку, будто боясь, что услышит Наташа, глотнула воздуха и затихла. Наташа водила пальцем по столу, выписывала какие-то знаки, молчала. Опять вспоминалось, как наяву представилась ей та кошмарная ночь у Огородниковой, и этот Зубов Петр со страшными, какими-то зелеными кошачьими глазами, пронизывающими насковозь.

— Она, Лушка, и растила их обоих—Макарку да Петьку. С помощью вот моего Филата,—обиженным голосом проговорила старуха.—Все уж кончилось, Кафтанова самого прибили давно, и давно война гражданская притихла, колхозы начались, а Лушка все живет поблизости, все топчется вокруг нее Филат... Сколько я слез вышлакала, кто б измерил! Ведро целые... А через край плеснулось, когда первый раз этого Петьку Зубова заарестовали. Магазин он какой-то обчистил. Стали судить его в Шантаре. Поеду-ка я, думаю, в Шантару, гляну на Петьку. Ведь я ни разу не видала его. Походит, мол, нет на отца-то?

Наташа удивленно приподняла голову.

— А что вам с того?

— А вот и что. Глянула—вылитый он... отец... Викентий Зубов, который полковником стал...

— Что?!—Наташа, еще ничего не соображая, снова поднялась и застыла столбом.—Что... вы хотите сказать?!

— Я не хочу, я сказала, дочушка. Жизнь такие петли выписывает... Этот полковник—тот самый... который меня и смирничал в омшанике тогда, вместе с братом своим... Евгением-то. Вот... младший сынок, значит, нашего ярославского барина... Как только он объявился у нас в дому в Облесье, я так и обварилась кипятком: вот она, судьба неминуемая! С каторги ушла, в тайге зверем жила, все вынесла, не потушил господь зрачки... А сейчас момент—и все! Поднимет наган-то, да и... Что ему теперь, суда никакого не надо. Сразу я его узнала. Господи, рвется у меня в мозгу, в такой дыре сошлись, где жизнь свела! И чую, гуск в глаза наваливается, заплывает все перед взором. И слышу его голос: что, дура, уставилась? Ненормальная, что ли, она у тебя? Это он уж к Филату. А тот: болезная, ваше благородие, так точно, пурга в тайге прихватила пять годов назад, три дня под снегом пролежала, мозги-то, видать, и подморозило, с тех пор и маось, рад бы избавиться, да баба же, а бог не прибирает... Пошла прочь, дуреха! Хихикнула я и в самом деле по-идиотскому, да и пошла. Не узнал он меня, на счастье. Ох ты, господа, думаю, есть ли ты, нету ли—спасибо тебе!

— Да-а,—только и протянула Наташа, упала обратно на стул.—Невероятно...

— Немыслимо,—кинула и старуха.—Да что ж... Всяко бывает. Каких-каких только событий не приключается. Земля—она ведь хоть и большая, да махонькая. И все теснее на ней. Оттого, наверно, и войны бесконечные, а? Чтоб людям посвободнее потом было...

— Да вы что? Тут причины другие... Сложные.

— Ну, да это и так. Оно, конечно... А я, значит, как глянула в суде на Петьку Зубова, так и охолодела—вылитый отец! Ну и... осело у меня что-то внутри. В мозгу одно колотится: Филат же вырастил его, помог вырасти. Знал же, чей это сын... говорила ж я ему про Зубова-полковника, что тот это Викентий. Так что ж, отвечает, я его кончить должен? Я ни одного человека не убивал, слава богу, с тем и век проживу. А ты на глаза ему боле не паясь... Все прощала и Филату, всех баб, и Лушку... Что ж, думаю, коли козел? А вот этого—не смогла. Чую, что не смогу больше жить с ним под одной крышей... Куни ты, говорю, мне какую-нибудь избенку где-то да освободи. Благодарная я тебе до гроба за все и словом лихим не помяну... Сверкнул он узким глазом, да и сказал: ладно, Акулинка, ягодка-малинка. Тем больше, что замучил я тебя. Третий сын у меня ведь народился в деревне Казанихе. Прости ты меня, грешного... Вот с тех пор я и живу в Шантаре одиночкой, доченька.

Старуха, утомленная длинным рассказом, измученная всплывшим в памяти прошлым, вздохнула, умолкла, стала опять глядеть в потолок. В глазах ее, помутневших от времени, вроде и ничего не было—одна бессмысленная пустота. Но, приглядевшись, Наташа поняла, что это не так. Глаза старой и ветхой женщины были просто очень усталы, в них стояла неизбыточная теперь грусть по жизни, пускай сложившейся для нее так трагически, но уже уходящей безвозвратно в вечность. Наташа в ее глазах, в ее лице и во всем облике этой старухи словно бы снова прочла все то, о чем она только что рассказывала: были у этой женщины невообразимые страдания и муки, но было и солнце, которое щедро грело ее в самые тяжелые минуты, были запахи свежей весенней земли, трав и цветов, которые волновали и заставляли свободно биться сердце, встречались и люди добрые, которые искренне делились с ней теплом своей души и скудно отпускаемой кем-то во все времена человеческой радостью. И Наташа подумала: как бы ни горька была порой жизнь, прощаться навсегда с солнцем, землей и людьми человеку всегда грустно и тяжело, и это какая-то чудовищная дикость, что каждому человеку с этим приходится рано или поздно прощаться...

— Ну, а тот, Иван... виделись вы с ним потом когда-нибудь?—сам собой вырвался у Наташи вопрос. И на этот раз она не испытывала сожаления, что спросила, каким-то чутьем чуяла, что теперь этот вопрос не обидит, не оскорбит старуху.

Акулина Тарасовна медленно повернула к Наташе голову.

— А как же? Видела.—Помолчала и еще раз сказала:—Видела.

— Кто он, если не секрет? Где живет?

Старая женщина на это улыбнулась улыбкой—легкой, светлой и благодарной. Но отвечать не стала.

...Ночь над Шантарой была уже плотная, когда Наташа вышла за хилую оградку, окружающую избенку бабушки Акулины, и медленно побрела к почте вдоль мертвой и глухой улицы, раздумывая о нелегкой судьбе этой женщины, снова и снова поражаясь ее доброте, незлобности, ее рассуждениям о смысле жизни на земле. «Сколько ж вы перенесли-то!—само собой и не первый раз, кажется, вырвалось в конце ее рассказа у Наташи.—Это лучше б не родиться! Для чего, для чего?» «Че мелешь-то, неразумная!—с досадой ответила старуха.—Не от нас зависит—родиться не родиться». «Я не об этом, я... о смысле жизни вообще...»—неумело выкрикнула Наташа. Но старуха мысль ее поняла, помолчала и тихо, будто только сама себе, ответила: «Так что ж, смысл? Кровь-то человечья, да слезы, да пот людской—это для земли, может, как керосин для лампы? Есть—горит, нету—потухла...» «Что вы говорите?—протестующе воскликнула Наташа.—Этот керосин... совсем другой! Человечья улыбка, человеческий смех! И вообще—радость, счастье...» На это старуха усмехнулась: «Да кто спорит, доченька! Только на земле и того и другого в достатке. И недаром—то день, то ночь, то солнышко, то непогодь... О-хо-хо, Наташенька, вот и выходит, что смысл этот—тоже мудреная штука-вина. Может, богу одному и ведомый. Да только ить и бога-то нету. Одни мы, люди, и есть... И нам вся эта жизнь и предназначена. Какая она ни есть. И нам надо понимать, в чем ее керосин...»

«...использовать природу можно по-разному. Можно— и история человечества знает тому немало примеров—оставлять за собой бесплодные, безжизненные, враждебные человеку пространства. Но можно и нужно, товарищи, облагораживать природу, помогать природе полнее раскрывать ее жизненные силы. Есть такое простое, известное всем выражение—«цветущий край». Так называют земли, где знания, опыт людей, их привязанность, их любовь к природе поистине творят чудеса. Это наш, социалистический путь».

Из доклада
Генерального секретаря ЦК КПСС
товарища Л. И. БРЕЖНЕВА
на XXV съезде КПСС.

Завтрашний город:
стерильность улиц, автомобильное движение под землей, лесная чистота воздуха, ультрамаринный полог неба, солнце, солнце, солнце...

Завтрашний город:
разноцветные стены зданий, хвойные ветки вламываются в распахнутые окна, холодные капли росы на траве тротуаров, звонкая радость жаворонка в полуденной тишине площадей...

Завтрашний город:
босиком по траве, не узнавшей колески, сквозь цветники проспектов—к утренней дымке реки, к реди-сочной головке поплавка, привязанного к леске, к теплому речному песку... Или все будет не так?

Душные тоннели улиц, гудящие зловонные автомобильные толпы, низкое дымное небо, на котором не увидишь солнца. И закопанная в камень река, и пожухлые цветы на испоптанных клумбах, и горячий бетон небоскребов, где не открыть окна, а свежий воздух «придуман» кондиционером.

Каким же он все-таки будет, завтрашний город?

Таким, как Новосибирский Академгородок, где доверчивые белки прыгают с деревьев на плечи прохожих, спешащих по улице? Или как заблудившийся в невыверленной тайге Дивногорск, спускающийся с Дивных гор к Енисею? Или как Горноправдинск,

город сибирских нефтяников, где как раз «хвойные ветки вламываются в распахнутые окна»? Или как молдавский Днестровск, построенный в сухой степи и всего за десятилетие превращенный в гриновское «сердце пустыни»?

...Или он станет таким, как гигантский Токио, где каждый желающий за невысокую плату может подышать кислородом в специальных будках на улице? Или таким, как древние Афины, где выхлопные газы автомобилей и заводские трубы принесли больше ущерба, чем землетрясения и средиземноморские ветры за минувшие две с половиной тысячи лет?

Будущее наших городов зависит от нас самих. Истина куда банальнее, но ведь и банальные истины никто не отменял. О них прекрасно помнили строители Дивногорска и Днестровска. О них помнили комсомольцы Рустави, спешившие на субботник, устроенный ради совсем небанального дела: спасти деревья в городском парке от тяжести неожиданного в Грузии снега. О них помнит молодежь Тираспольской швейной фабрики имени 40-летия ВЛКСМ, сделавшая свое предприятие

ют воздействие человека на земные ресурсы, взаимодействие человеческих поселений с окружающей средой, токсикологию окружающей среды, математическое моделирование природных процессов и так далее. Но главный проект касается биогеохимических циклов.

Мы говорим о загрязнении среды отходами производства. Но отходы эти не что иное, как компоненты биологического круговорота, выпавшие из него по вине (или по беде?) человека. Мы строим очистительные сооружения, чтобы свести до минимума загрязнение рек и озер, ставим хитроумные ловушки, уменьшающие приток вредных элементов в атмосферу из заводских труб, боремся с выхлопными газами автомобилей. Все это правильно, все необходимо! Но есть задача более масштабная: как на практике научиться управлять этим круговоротом, прогнозировать последствия человеческой деятельности. Это задача, какую предстоит решать многие годы, но решение ее позволит человечеству вернуть планете немалые долги, накопленные за пять тысячелетий развития интеллекта.

родой. Каждый из нас. Мы в долгу перед лесом, зажженным от брошенного нами окурка. Мы в долгу перед зверьем, выбитым нашими скорострельными ружьями. Мы в долгу перед душой горбушей, слепо идущей в наши замечательные нейлоновые сети. Мы должны выплатить долг за вольных охотников, оставивших миру едва ли десять тысяч белых медведей. За меткого стрелка Бартоломеуса Шпаковича, убившего в 1921 году последнего коренного беловежского зубра. За бездумных дровосеков, вынудивших нас повесить на шоссе Москва—Ярославль печальный транспарант «Памятник природе», охраняющий по-левитановски прозрачную береговую рощу.

Глупо строить хрустальный дворец, чтобы ходить по нему в подкованных железом сапожках. Глупо сажать в сквере или в парке тюльпаны и нарциссы, чтобы молодая мама утешала свою плачущую дочку:

— Не плачь, маленькая, лучше сорви себе с клумбы цветочек. Смотри, какой он красивый,— и возмущалась, когда ее остановили: — Подумаешь — цветок! Не убудет...

Неленый вопрос! Конечно, нет, нет, еще раз нет! Та же милая мама, поспавшая дочь «попаستись» на клумбе в парке, ужаснется, узнав об этой яростной детской тоске по живой природе. Значит, все-таки стоит разводить цветники, и выпускать ручных белок в леса, и вешать для птиц кормушки на деревья, и прикручивать скворечники — стоит. Только с самого раннего детства необходимо приучать ребенка к бережному отношению к природе, учить его любить дерево и птицу, цветок и зверя.

В том же сибирском Горноправдинске, когда он еще и городом-то не был, когда еще хозяйничали в нем геологи, положившие начало нынешнему городу, они не только не вырубили тайгу, но и устроили в поселке... зоопарк для своих детей. Кто принес из леса медвежонка, кто поймал белок, кто сколотил просторные клетки для птиц. Люди, которые ежедневно уходили в тайгу на поиски нефти и газа для страны, помнили, что их дети должны вырасти людьми. Сильными. Умными. Добрыми. Настоящими хозяевами своей планеты.

Помните базаровское: «Природа не храм, а мастерская, и человек в ней работник»? Хитрая фраза, которую и толковать-то можно по-разному. Можно так: в мастерской следует работать, брать от природы все, что она дает. Не убудет, и детям хватит, и внукам, и правнукам. Так и толковали. Можно чуть иначе: раз мастерская, значит, переделывай матушку-природу, крени ее на свой аршин, режь, не отмеряя. И так было. И стала исчезать из рек рыба, а из леса — зверье, и климат меняться стал — было, было. Но наконец поняли, что мастерскую работник должен беречь, чтобы работало в ней легко и долго. Подчеркиваю: каждый работник. И работа в мастерской станет тогда плодотворной.

А пока мы — мастера и подмастерья, корифеи и ученики — невинно совмещаем весьма разные поступки и дела. С девяти до шести, к примеру, монтируем микрофильтры на очистных агрегатах у реки, а после шести бездумно перегораживаем эту реку сетями и переметами: рыбки-то ведь хочется, ох, как хочется, и побольше, побольше. Или ломаем голову, как «обезвредить» сотни труб некоего химкомбината, потихоньку отравляющего воздух, а в воскресенье коптим его выхлопными трубами наших «Уралов» и «Жигулей» где-нибудь в лесу у реки.

Скажете: несовместимые вещи. Скажете: сравнил ущерб гигантский и ерундовый, который и ущербом не назовешь. Но не о нем сейчас речь, хотя из мадого складывается большое. Речь как раз о той самой любви «к человеку и человечеству», о необходимости разумного хозяйствования везде — в доме, в городе, в стране, на Земле.

Да, при социализме уничтожена главная социальная причина экологического кризиса — частная собственность на средства производства, нет никого, кто мог быть заинтересован в разграблении природы ради наживы. Но остались еще недальновидные хозяйственники, не умеющие думать о последствиях своей «бурной» деятельности, остались равнодушные люди, которые из песенной формулы «все вокруг колхозное, все вокруг мое» твердо усвоили лишь вторую половину.

— Нам необходимо научиться считать деньги, — сказал мне один остроумный человек, имеющий непосредственное отношение к экономической науке, — тогда и само понятие «охрана природы» перестанет быть чем-то абстрактным.

Заводские трубы отравляют городскую атмосферу? Надо ставить «ловушки», очистители, может быть, менять технологию. «Верно, все вер-

Сергей АБРАМОВ

РАЗМЫШЛЕНИЯ О ЧАСТИЦЕ "НЕ"

зеленым городком, утопавшим в деревьях, цветах, побегах хмеля.

Будущее нашей планеты зависит от нас самих. Как зависит? Пожалуй, еще ни одна тема не рождала среди ученых такого количества самых разнообразных мнений, гипотез, теорий. Слишком долго мы «не ждали милостей от природы», брали у нее все, что могли. Пришла пора отдавать долги.

Эта пора пришла давно, и спохватившийся мир начал спешно придумывать всевозможные проекты: как очистить моря и реки от фабричных отходов? Как сделать воздух в городах свежим и вольным? Как спасти животных, внесенных в «Красную книгу» природы? Ученые определяют три главных аспекта проблемы «человек — природа». Первый: технико-экономический, который связан с истощением природных ресурсов планеты. Второй: экологический, связанный с нарушением биологического равновесия в системе «человек — природа». Третий: социально-политический, так как эти вопросы необходимо решать усилиями всего человечества.

Семь лет назад на Генеральной ассамблее Международного совета научных союзов в Ереване впервые возник вопрос об организации международного же научного комитета по проблемам окружающей среды — СКОПЕ. В его программе семь научно-исследовательских проектов. Они рассматрива-

А пока существуют задачи более близкие, сегодняшние, конкретные. И осуществлять их надо именно сегодня, не дожидаясь выполнения всех проектов СКОПЕ. Задачи эти — в создании очистных сооружений целлюлозного комбината, которые почти предотвратили загрязнение Байкала, и юрких автомобилей, которые в недалеком будущем вытеснят из центра Москвы пыхтящие грузовики, и мощных, надежных трубопроводов, давно замеченных в Сибири громоздкие речные танкеры, и крупнейшей ТЭЦ под Иркутском, которая сделает лишним существование десятков печально знаменитых иркутских котельных, и многое-многое другое, что невозможно перечислить в журнальной статье.

Парафразируя древний афоризм о любви к человеку и человечеству, можно сказать: легко твердить о бережливом отношении к природе всей планеты, гораздо труднее уберечь то, что у тебя под ногами. Легко восхищаться песенным «зеленым морем тайги», плывущим под крылом самолета, но куда труднее удержать руку лихого туриста-гитариста, с богатырской удалой крушающей молодняк на костер. Легко пустить слезу над «Красной книгой», куда занесены вымирающие животные, но много труднее встать на пути браконьера, в упор расстреливающего лосяку.

Да, мы в огромном долгу перед при-

Не убудет? Я позволю себе почти полностью привести здесь сочинение юной школьницы из Сауттемптона Джаклин Смит.

«Сегодня черный, душный день. Он немногим отличается от других... Моя мать однажды сказала мне, что небо было голубым, но ведь поверишь, когда увидишь, а для меня небо черное или желтое. Я люблю его таким. Это более естественно.

В музее можно увидеть чучела, которые называют птицами. Говорят, что они когда-то летали, но мне не верится, они кажутся слишком неуклюжими. Должно быть, они летали очень медленно. Они так непохожи на современные самолеты и совсем бесполезны. Самолеты служат определенной цели, а кому теперь нужны птицы?

Моя бабушка любила их. Она рассказывала мне, как они пели. Она еще любила цветы, но мне больше нравятся запах машинного масла. Он свежее. Машинное масло полезно. Оно приводит жизнь в движение...

Стерильный мир очень хорош. Он холодный, клинический и не портит настроения. Мир, свободный от бактерий...

Страшная, трагическая ирония!.. Неужели мы хотим, чтобы наши дети забыли, как пахнут цветы и поют птицы, как нежен цвет голубого неба и свеж лесной ветер?

но,—отмахнется деловой директор завода,—поставим непременно, вот только с планом разделаемся...» А сумел бы этот беспечный директор посчитать, сколько стоит заводу отравленный воздух, не был бы он столь беспечен. Дети не знают чистого воздуха, значит, чаще болеют. Родители берут бюллетени по уходу за детьми. Простаивают станки, агрегаты, машины. Идут деньги, текут, ручьями текут, реками — считайте!

Сейчас во многих ведомствах разрабатывают методику по расчету и прогнозированию последствий от введения той или иной технологии на том или ином производстве, чтобы заранее проектировать разумную и экономически выгодную защиту от этих последствий. Бесспорно, это прекратит блуждание в потемках, даст строителю и эксплуатационнику точное знание того, что необходимо предпринять для охраны окружающей среды. Но, повторю, каждый из них должен подходить к этому делу не по обязанности, не потому, что Госплан требует, а по человеческому долгу своему перед природой, по велению сердца, если хотите. И не упрекайте меня в пристрастии к «красивым» фразам. Они не только красивые. Они точные.

Лет эдак семь назад знаменитый начальник строительства Красноярской ГЭС Андрей Ефимович Бочкин принимал в Дивногорске группу писателей из разных городов страны. И кто-то из них, заметив на берегу срубленные стволы сосен, сказал с грустью:

— Какую красоту погубили!..

На что хитрый строитель Бочкин ответил немедленно:

— Чего жалеть-то! Вон красота настоящая,— и на плотину указал, на серп ее гигантский.

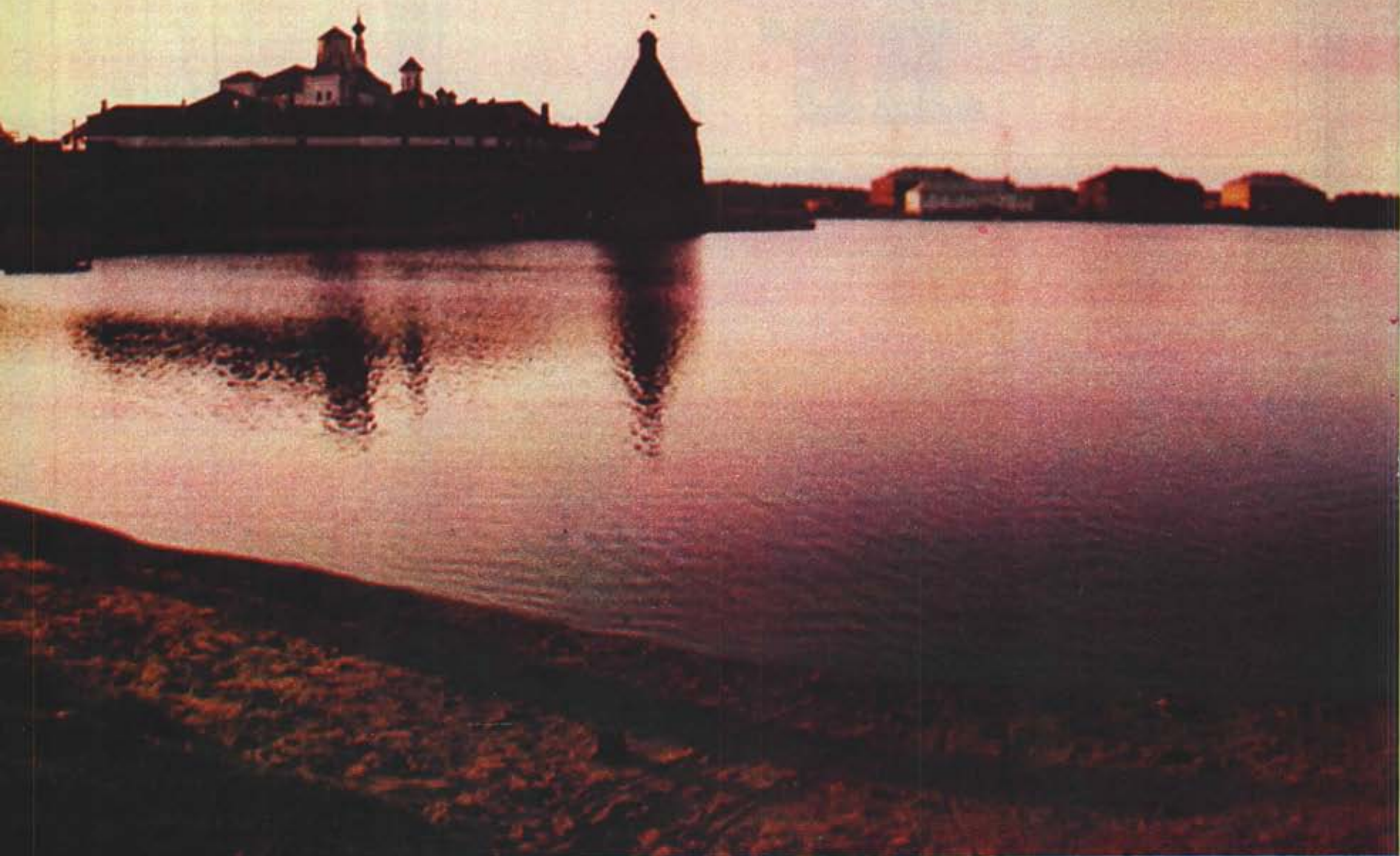
Казалось бы: вот оно — бездушие. Но Бочкин имел полное право сыграть перед идеалистом-писателем роль недалекого хозяина, который не ведает, что творит. Он прекрасно ведал, что творил. Он творил сказочный городок Дивногорск, где даже в самом здании гостиницы проросла на четыре этажа березка — что там об улицах города говорить! Он творил одну из величайших в мире плотин, великолепно и бережно вписав ее в первозданную енисейскую тайгу. И люди, работавшие с ним, тысячи бетонщиков, буль-

дозеристов, шоферов, монтажников заражались его отношением к делу. А дело его — и ГЭС, и тайга, и город, и река Енисей. Его дело. Их дело. Общее.

Вряд ли все они, отправляясь на Енисей, думали о том, как сохранить тайгу, как сделать свой будущий город зеленым и чистым. Но наверняка школа Красноярской ГЭС, школа Дивногорска не пройдет для них даром.

ОХРАНА ПРИРОДЫ... ПРОБЛЕМА НАУЧНАЯ, ПРОБЛЕМА СОЦИАЛЬНО-НАУЧИТЬСЯ САМ УПРАВЛЯТЬ НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКИМ ПРОГРЕССОМ; ПРИЙТИ НА ПОМОЩЬ ПРИРОДЕ.

Мы сейчас учим завтрашних строителей, инженеров, производственников любить природу, беречь ее, помогать ей. В высших учебных заведениях для будущих инженеров, врачей, биологов введен курс экологии — науки об охране окружающей среды. Начала экологии преподают и во многих школах. Создаются школьные лесничества, где молодежь на практике позна-

ет природу. Комсомольцы школ, вузов, фабрик шефствуют над городскими районами, парками, садами. И можно быть уверенным: никто из них не срубит молодое дерево, не убьет зверя в заповеднике, не выйдет браконьерствовать на озеро или реку.

Не срубит, не убьет, не выйдет... Я, конечно же, далек от фантастической мысли, что все они в едином порыве бросятся на охрану лесов, озер, рек, заповедников. Я даже не предлагаю каждому из них, следуя наказу муд-

рых и добродетельных пращуров, посадить хотя бы одно дерево: век наш, строгий и расчетливый век научно-технической революции, требует от нас полной отдачи своему делу. Мы строим, изобретаем, механизуем — только поспевай! Но помните об этой частице «не»: не срубит, не убьет, не выйдет. Иначе справедливой станет грустная шутка поэта, опасавшегося, что обиженная природа однажды ополчится против нас: «Не бей человека, птица. Еще не открыт отстрел...» И дальше: «Неопытен друг двуногий. Вы,

белка и колонок, снимите силки с дороги, чтоб душу не наколол...»

Век наш, тот самый строгий и расчетливый век научно-технической революции, вполне признает столь нематериальный, идеалистический субстрат, как... душа. Душа человека — это дело его, каждодневная маета его, забота и призвание. Душа человека — это плотины и заводы, океанские лайнеры и космические корабли, компьютеры и циклотроны. Но душа человека — это и теплый от грибного дождя лес, освещенный малиновками, и упругое тело реки, прогнувшееся под тяжестью «Метеора», и поле, прошитое васильками, вредными сорняками, чистыми, как небо над нашей планетой.

Наша душа, наша жизнь.

Или иначе: наша политика, наша экономика, наша культура. Ибо все-таки прав поэт, спросивший: «История ли часть природы? Природа ли кусок истории?» Их не разделить — эти, быть может, абстрактные, но такие конкретные понятия...

Фото Василия МИШИНА,
Вадима ОПАЛИНА,
Владимира ЧЕЙШВИЛИ,
Льва ШЕРСТЕННИКОВА

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ, ПРОБЛЕМА НАВРСТВЕННАЯ... ЧЕЛОВЕК ДОЛЖЕН
ВООРУЖЕННЫЙ НАУЧНЫМИ ЗНАНИЯМИ, ДОСТИЖЕНИЯМИ ТЕХНИКИ

ИЮЛЬСКОЕ ОБОЗРЕНИЕ

ГОРОД-БАНКРОТ

Нью-Йорк некогда был витриной Америки: оживленный порт со статуей Свободы, манхэттенские небоскребы, роскошные магазины Бродвея — все это должно было ошеломлять и ошеломляло переселенцев. Однако у города было и другое лицо, которое представляли верхние нищенские кварталы Гарлема и Бауэра.

Эта потрясающая изнанка Нью-Йорка угрожает сейчас взять верх над всем, что осталось от его славы. Нью-Йорк уже давно живет в долг и постоянно вынужден залезать во все новые и новые долги, чтобы выплатить старые и содержать аппарат городского управления, школьные учреждения, социальные службы. Задолженность достигла уже такой величины, что банки отказываются предоставлять новые ссуды, и городу все труднее

изыскивать деньги для выплаты жалованья служащим. Правительство же категорически отказало в помощи из федеральных средств. У Нью-Йорка остается один выход — ограничить свои расходы. Последнее означает дальнейшее существенное понижение уровня жизни населения и новые увольнения. Город уже покинули тысячи полицейских, врачей, учителей, а это ведет к росту преступности (и так самой высокой в мире!), к закрытию школ, больниц. Нет денег на оказание помощи безработным и престарелым, на ремонт домов, уборку улиц.

Подобная судьба грозит и другим крупным городам Америки — прежде всего Детроиту, тяжело переживающему кризис американской автомобильной промышленности.

«ЮМАНИТЕ ДИМАНШ»,
ФРАНЦИЯ

СТУДЕНТ ОТКРЫВАЕТ ЗВЕЗДУ

Семнадцатилетний Кентаро Осада, студент высшей школы в городе Ямагучи, что расположен в семиестах километрах от столицы Японии, судя по всему, первым на островах увидел новый яркий объект в ночном небе.

Названная «Нова Сигнус 1975», сверхновая звезда, которая, как полагают ученые, является самым крупным объектом такого рода, появившимся за последние тридцать

лет, была обнаружена юношей 29 августа прошлого года, причем сделал он это на два часа раньше, чем известный японский астроном Минеру Хонда, которому первоначально приписывалась честь этого открытия.

Джордж Хербиг, директор университетской лаборатории в Калифорнии, считает, что «Нова Сигнус 1975» будет видна в течение двух следующих лет.

«ФОКУС ФИЛИППИЧЕС»,
ФИЛИППИНЫ

БОЛЬНИЦА ДЛЯ... РЫБ

В Японии, стране развитого рыбобоводства, создана первая в мире больница, предназначенная для лечения рыб и других морских животных. Здесь также дают консультации владельцам декоративных рыб.

Больница располагает лечебным залом и залом для приготовления пищи. В третьем зале находится двадцать небольших бассейнов, расположенных в три ряда один над другим, они служат больничными «койками» для рыб. Двенадцать врачей больницы отличаются от обыкновенных тем, что надевают не только белые халаты, но и водолазные костюмы, когда погружаются для осмотра пациентов.

Большинство лечатся здесь рыбы страдают пучеглазием, различными паразитами (против которых назначают антигельминтные средства), у них белеет или выпадает чешуя. Встречаются рыбы, наклоняющиеся при плавании набок из-за вздутия внутренних органов, им прикрепляют поплавки к спинному плавнику и тягестя к брюшной части. Попадают и экземпляры с деформированным телом или без плавников.

Кроме оказания лечебно-хирургической помощи в больнице, ее персонал контролирует уловы рыбаков, следит за рыбами, разводит их при отелях и ресторанах в кулинарных целях, дабы не допустить употребления больных экземпляров в пищу.

«ШТИНЦЭ ШИ ТЕХНИКЭ»,
РУМЫНИЯ

ЧУДО-ГЛОБУС

650 часов. Именно столько затратил на создание этого своеобразного плоского глобуса из дерева швейцарский служащий Франц Мюрри. Страны, континенты, моря и океаны, как, впрочем, параллели и меридианы, он подклеил к стене, сделав их из разноцветных, очень тонких щепок и дощечек. Как видите, все это создает еще одно любопытное представление о нашей планете.

«ТИП», ШВЕЙЦАРИЯ

РАБОТАЮТ ДЕЛЬФИНЫ

В интеллекте и отменных способностях дельфинов в наш век не сомневаются и самые большие скептики. А американская спасательная служба намерена даже прибегнуть к услугам необыкновенных «легких водолазов» — дельфинов, тюленей, морских львов. В Калифорнии завершено обучение первой группы дельфинов. Некоторых из них уже продолжительное время используют на научно-исследовательских работах, проводимых учеными в глубине океана.

Так, например, дельфин Таффи может менее чем за 3 минуты достичь глубины в 165 метров и выполнять функции связного между водолазами. Он относит на эту глубину небольшие предметы и отыскивает затонувшую аппаратуру.

Главная же цель тренировок животных — научить дельфинов разыскивать заблудившихся водолазов и показывать им путь в подводную лабораторию.

«НЕК ЛАПЬЯ», ВЕНГРИЯ

НЕОБЫЧНОЕ ЗАВЕЩАНИЕ

На фотографии — Джереми Бэнтам. Он сидит на своем любимом стуле в университетском колледже в Лондоне.

Джереми умер в 1832 году, но... по-прежнему выглядит бодрым и энергичным. В свое время Бэнтам был известным философом, занимающимся политическими науками, и не менее известным чудаком.

Он оставил завещание, в соответствии с которым тело его должно было быть использовано как... про-

стите, чучело, а голова мумифицирована. И вот голова знаменитого остряка, покорявшего лондонские гостиные начала прошлого века, хранится в специальном ящике, а точная ее копия — с блестящими голубыми глазами — смотрит время от времени на гостей, приглашаемых в колледж. Глаза эти были изготовлены еще при жизни Джереми, и он, бывало, показывал их изумленным зрителям.

«УИКЭНД», АНГЛИЯ

Прошло двести лет с того времени, как Французская Академия наук приняла решение: впредь не только не рассматривать проектов пресловутого «перпетуум мобиле», но и не принимать вышеозначенных проектов к рассмотрению. Но вот в роли изобретателя выступил известный шведский ученый Бальтазар фон Платен, лауреат Нобелевской премии, который впервые в мире разработал метод промышленного производства искусственных алмазов и изобрел всем нам хорошо известный электрический холодильник.

Как известно, вечным двигателем именуется воображаемая машина, которая, будучи раз пущена в ход, совершала бы работу неограниченно долгое время, не потребляя энергии извне. Идея такого двигателя противоречит закону сохранения и превращения энергии. Откуда же берет энергию двигатель Платена? Ученый утверждает, что в процессе соединения воды и аммиака в очень быстро вращающейся центрифуге возникнет давление порядка тысячи атмосфер. В результате высвобождения тепла образуется энергия, количество которой оказывается вполне достаточным, чтобы поддерживать вращение этой центрифуги.

«ФИБ АКТЮЭЛЬТ», ШВЕЦИЯ

Описывая эксперимент, научный обозреватель агентства Рейтер деликатно уклонился от его подробного истолкования и заявил: «Можно сказать лишь одно — машина работает, черпая энергию невесть откуда. Каждому ясно, что законов термодинамики отменить нельзя, поэтому приходится признать — в наших знаниях есть кое-какие принципиально важные пробелы».

Учитывая сложность проблемы, патентное ведомство передало материалы для заключения в Королевскую академию наук. Ее секретарь профессор Нильссон сообщил: «Вопреки всем ожиданиям в представленной нам подробно разработанной технической документации нет никаких ошибок, а изобретение Платена, как можно полагать, действительно является открытием такой важности, которую мы сейчас пока не можем вполне оценить».

ЗМЕИ ПО ПОЧТЕ

Служащий таможни в Лос-Анджелесе просматривал посылку, посланную авиапочтой из Австралии, и не заметил, что среди одежды скрыта тигровая змея, одна из самых ядовитых в мире. От укуса в руку он умер через несколько минут. Это лишь один из эпизодов контрабанды животных, приобретающей угрожающие размеры.

Бороться с контрабандой трудно, ибо в США, как, впрочем, и в ФРГ, Англии и Швейцарии, находятся клиенты, готовые заплатить громадные деньги за экземпляры

австралийской фауны, экспорт которых, за исключением случаев, когда они предназначены для зоопарков, строго запрещен.

Сотни больших и малых посылок из Австралии, содержащих, согласно квитанции, самые обыкновенные вещи, в действительности скрывают тысячи ядовитых змей, таких, как тайпаны, тигровые змеи, черные змеи, или других пресмыкающихся — игуанов и драконов и даже крокодилов длиной до полуметра. Цены на живой товар растут. Одна тигровая змея, которая ничего не стоит в Австралии, в ФРГ оценивается в 600 долларов.

Пресмыкающихся усыпляют, помещая их перед отправкой в холодильник, или доводят до состояния летаргии исключительно обильным питанием.

Этот нелегальный ввоз, разумеется, приводит к гибели не только невнимательных таможенников, но и самих животных. Контрабандисты подсчитали, что «потери» товара превышают 50 процентов. Усыпленные животные погибают от удушья, голода или жажды.

«ПАНОРАМА», ИТАЛИЯ

И ЗДЕСЬ РАВНОПРАВИЕ?

Билл Гиббс, директор Австралийского бюро метеорологии, объявил, что следующий циклон в провинции Квинсленд назовут именем «Алэн» — тем самым будет положен конец длинному списку женских имен, которые становились кодовыми названиями циклонов.

Новый список будет пополнен и мужскими именами — правительство полагает, что несправедливо присваивать разрушительным циклонам только ласковые и нежные женские имена.

Восемьдесят лет назад метеоролог из того же Квинсленда Рейг начал называть циклоны именами политических деятелей. Однако после неоднократных жалоб — по видимому, поступавших от самих государственных мужей — бюро приняло решение изменить сложившуюся практику. Сначала циклонам давались имена жен политических деятелей, потом вообще женские имена, и с тех пор эта традиция приобрела широкую популярность. Но вот, кажется, наступают новые времена.

«РИДЕРС ДАЙДЖЕСТ», США

В ПОДВАЛ? С УДОВОЛЬСТВИЕМ!

Речь идет о том символическом подвале, куда похитители прячут заложников в ожидании выкупа. Никто, разумеется, не жаждет стать целью нападения. Однако, кажется, уже недалек тот момент, когда бизнесмены, политики и дипломаты, захваченные очередной группой террористов, желающих сорвать таким путем жирный куш, будут спускаться в вышеупомянутый подвал с легким сердцем. Ибо в темном своем укрытии они будут знать, что теперь их защищает нечто более могущественное, чем расположение высокого начальства или семейные привязанности. Такой защитой является отныне для похищенных страховой полис.

Самой крупной в мире страховой компанией, выдающей подобные полисы, является лондонский Ллойд. Полис дает возможность его держателю получить при необходимости сумму, требуемую в качестве выкупа. Первые такие полисы Ллойд выдал еще в тридцатые годы, когда среди состоятельных людей началась паника после похищения сына знаменитого американского летчика Чарльза Линдберга. Сейчас Ллойд зарабатывает на этой весьма

специфической форме страхования свыше 25 миллионов долларов в год. Страховой взнос зависит от степени риска, устанавливаемого экспертами компании, и может колебаться в весьма значительных пределах. Например, банк во Флориде, страхующий от похищения одного из своих высокопоставленных служащих, будет платить в год от 740 до 1300 долларов. А вот президент американской фирмы, работающей, скажем, в Аргентине, обойдется в 4250 долларов: за последние два с половиной года в этой стране зафиксировано около 700 похищений. Если же большой международный концерн захочет получить страховой полис на случай похищения любого работника этого концерна или члена его семьи, то это обойдется уже в 423 тысячи долларов в год. Такая страховка рекомендуется для людей, находящихся в странах Латинской Америки или Ближнего Востока, где похищения в настоящее время случаются чаще всего. Эта колоссальная сумма может быть понижена в случае, если эксперты Ллойда сочтут меры безопасности, принимаемые концерном, достаточно эффективными.

«ДООКОЛА СВЯТА», ПОЛЬША

Лев и единорог

Ганс БАУМАН

СКАЗКА ДЛЯ МАЛЕНЬКИХ И БОЛЬШИХ

Перевел с немецкого
Александр ВАРКЕНТИН.

1

Каждое лето Том и Анна ездили к дяде Оливеру и тете Молли, которые жили у моря. Их дом стоял на холме, вдалеке от всех других домов и поселков.

«Ой, какой у вас тут мир огромный!» — говорила мама, когда она из города приезжала с Томом и Анной в дом на холме. В городе мир был совсем маленький — ведь больше одной улицы не увидишь. А с холма видно было и море и кусочек порта. Рядом был парк с огромными старыми деревьями и замок с четырьмя башенками. В замке жил старый адмирал, который больше не выходил в море. Обычно мама уже на следующий день уезжала назад в город, а Том и Анна оставались у моря на все каникулы. Они жили в огромной комнате под самой крышей. Окно в этой комнате было раз в десять больше, чем у них дома. Раньше там была мастерская дяди Оливера, но потом тетя Молли решила, что для такого знаменитого скульптора, как дядя Оливер, эта мастерская слишком маленькая. Под потолком комнаты висел парусник — трехмачтовый барк, который сделал сам дядя Оливер. Том считал, что это самый лучший и самый красивый корабль на свете. Стоило Тому только захотеть, и барк на полных парусах летел в Африку или в Бразилию — куда угодно.

В то время было еще много парусников. Их капитаны презирали чумазые, неуклюжие пароходы, которые пытели по волнам в облаке сажи и копоти. А на парусниках все так и блестело от чистоты. На носу у них были красивые гербы или фигуры. Вот такие фигуры для парусников и вырезал из дерева дядя Оливер в своей новой мастерской. Он вырезал любые фигуры по заказу: башни или пророка Иону, выглядывающего у кита из пасти, бога морей Нептуна или русалку. Но больше всего дядя Оливер любил делать единорогов — это такой таинственный зверь, похожий на белую-белую лошадь, а на лбу у него один длинный золотой рог. У дяди Оливера всегда была в запасе фигура единорога, и, как только ее забирали для какого-нибудь корабля, он сразу принимался за новую. Уж очень хорошо они у него получались.

— Неужто опять единорога заказали? — не выдержал как-то Том.

— Дольше года у меня еще ни один не залеживался, — ответил дядя Оливер и подмигнул Тому. — погоди, тебе еще тоже захочется вырезать единорогов, как и мне.

— Не думаю, — сказал Том. — Мне львы больше нравятся.

Он никак не мог понять, как это такой знаменитый скульптор, как дядя Оливер, делает не львов, а каких-то сказочных зверей, которых и на свете-то нет. Том уже целых три года дружил с одним львом, который жил в большой клетке в парке около замка. Почти каждый день Том ходил к нему в гости. Он никогда не боялся темноты: стоило только закрыть глаза, и его друг лев был тут как тут и охранял его.

Рисунок Валерия КАРАСЕВА

— Беда случилась, — объяснил он детям. — Корабль Пат потерпел крушение. Всех матросов подобрал пароход. Всех, кроме самого Пата.

— Эх, был бы лев на носу у корабля, никогда бы этого не случилось, — сказал Том. — Не принес им Единорог счастья.

— Не думаю, — возразил дядя Оливер. — Никому еще Единорог несчастья не приносил.

А через три недели — прошел ровно год с того дня, как Пат взял Единорога. — Том увидел, как какой-то капитан поднимается по тропинке к дому.

— Пат пришел! — закричал Том и бросился к нему на шею.

— Откуда ты? — спросил дядя Оливер. — Вот радость-то какая!

— Только спокойно, — сказал Пат. — Это история, которую всем стоит послушать.

Он обнял дядю Оливера, который в себя не мог прийти от радости, потом тетю Молли, а Анну он чуть не раздавил своими ручищами. Тетя Молли пригласила его к столу, но он сказал «Извините!» и посмотрел дяде Оливеру прямо в глаза. Том ушам своим не поверил, когда Пат спросил:

— Можно мне для моего нового корабля заказать еще одного Единорога?

— Ну, конечно же! — обрадовался дядя Оливер. — Да он уже готов! — Он распахнул дверь мастерской, где сверкал новый Единорог.

Пат зашел в мастерскую, и тут он увидел всех шестерых пуделей, целую выставку.

— Гром и молния! Вот так львы! — расхохотался Пат. — Беру всех шестерых, вот смею будет на корабле!

— Давайте присядем, — предложил дядя Оливер, и они все уселись рядом с пуделями.

— А как же ваша история? — напомнил Том.

— Да, верно, — сказал Пат и начал свой рассказ.

6

— Восемьдесят три дня и восемьдесят три ночи все шло хорошо. Море блестело на солнце, но еще ярче блестел золотой рог Единорога на носу корабля. Дул попутный ветер. Но на восемьдесят четвертый день он превратился в ураган. Облако-акула проглотило солнце. Ночь началась на пять часов раньше, чем обычно. Я спустил паруса и отдал корабль на волю волн. В крошечной тьме нас носило несколько дней, пока не ударило о коралловый риф. Корабль затонул, но шлюпки остались целы, и команда спаслась. Я стоял на носу, и меня вместе с Единорогом перебрало через риф. Шлюпки держали в открытом море, их подобрал пароход. А я ухватился за шею Единорога, чтобы не утонуть. Волны несли нас к острову и выбросили на песчаную отмель. Едва живой, я упал на песок и проспал не знаю сколько. Когда кончился шторм, нас нашли жители острова. Они дали мне воды и плодов. И так кормили меня три недели. На берегу они зажгли огромный костер, который горел днем и ночью. Капитан проходившего мимо корабля заметил сигнал и приказал спустить шлюпку. На этом корабле я вернулся домой.

— Так, значит, это Единорог тебя спас! — воскликнула Анна.

— Так точно, — ответил Пат. — Если бы не он, меня уже не было бы в живых.

— А где он теперь? — спросила Анна.

— На острове, — ответил Пат. — Что еще мог я подарить этим добрым людям? Да и потом, ведь Единорог сам приплыл на этот остров...

— Новый Единорог уже ждет тебя, — сказал дядя Оливер.

— Чудесно, — сказал Пат. — Никогда больше не выйду в море без Единорога. — Он посмотрел на выставку пуделей и улыбнулся: — Беру всех шестерых!

— Только смотри, чтобы они не намокли, — предупредил дядя Оливер. — У пуделей от этого унылый вид.

— Знаю, знаю, — сказал Пат. — Одного я не могу понять: никто не может сделать Единорога лучше тебя, все твои фигуры великолепны, так почему же всякий раз, когда ты хочешь сделать льва, получается пудель?

— Львы не в моем вкусе, — ответил дядя Оливер. — На счет львов у нас Том специалист.

— Так почему все-таки пудели? — не отставал Пат.

И тут дядя Оливер открыл свою тайну:

— Нет ничего проще. Давным-давно у меня был пудель. Я его так любил, что и сейчас еще помню.

— Ну, тогда все ясно, — удовлетворенно сказал Пат.

В тот же самый день он забрал своего нового Единорога и пуделей. А Том подарил ему очень красивого льва. Он сам его нарисовал.

7

Этой ночью Анна вдруг проснулась. Она тихонько встала, чтобы не разбудить Тома, и на цыпочках подошла к большому окну. Первый раз в жизни она решила посмотреть на ночь. Высоко на небе она увидела золотой рог из звездочек. Она очень обрадовалась и никогда больше не боялась темноты.

ПРАВДА

Чемпионы о себе

Нона ГАПРИНДАШВИЛИ,
чемпионка мира по шахматам
среди женщин

Рубрика «Чемпионы о себе», открытая в № 7 «Смены» статьей хоккеиста Александра Якушева, вызвала большой поток читательских писем. Выполняя многие из полученных заявок, мы обратились к ряду известных советских спортсменов с предложением выступить в нашем журнале. В этом номере по просьбе читателей М. Гуладзе и А. Николайшвили из Тбилиси, А. Чернявской из Ленинграда, москвича С. Чемезова и других предоставляем слово чемпионке мира по шахматам, депутату Верховного Совета Грузинской ССР, лауреату премии комсомола Грузии Ноне ГАПРИНДАШВИЛИ.

Ждем ваших новых заявок, дорогие читатели!

Характер, как известно, зависит не только от наследственности, его формирует окружающая среда и, наконец, «дорабатывает» сам человек. Не знаю, как с наследственностью, и затрудняюсь судить, насколько я сама, если можно так выразиться, создавала себя, но вот о воздействии той обстановки, тех людей, которые влияли на меня, имею точное представление. Без рассказа об этих людях мне было бы трудно объяснить не только особенности моего человеческого характера, но и стили игры, моего шахматного мировоззрения.

Родом я из небольшого грузинского городка Зугдиди. Мой отец, Терентий Северьянович, был директором сельскохозяйственной школы, а кроме того, преподавал в техникуме. Ему приходилось много работать: у меня было еще пять братьев. Самый старший Эмзар (к моменту моего появления на свет в 1941 году ему было семь лет), затем идут Тамаз, Джемал, Мурад, а после меня родился только Нугзар. Так как отец уходил на работу рано, а приходил поздно, то все заботы лежали на маме — Вере Тадеевне и бабушке Кионии.

Бабушка была на редкость мудрой и доброй. Хотя у нас в Грузии по традиции рождение мальчика считается большим праздником, чем рождение девочки (впрочем, эта традиция, по-моему, соблюдается уже тоже больше «по традиции»), родители мои и особенно бабушка очень хотели, чтобы в семье появилась девочка. Джемала бабушка до четырех лет одевала как девочку и отпустила ему длинные волосы, которые заплетала в косы.

Как единственная девочка, я пользовалась со стороны взрослых особым вниманием, но среди братьев ни на какие привилегии не могла претендовать. Больше того, они принимали меня в свои игры с условием, что я не буду рассчитывать на поглажки.

Мне было очень легко выполнить это требование, потому что я и сама никогда не запросила бы пощады. Только один раз, когда я стояла в воротах и противники — мальчишки с соседнего двора — должны были бить одиннадцатиметровый, вспыл вопрос о том, что меня, как девочку, надо на этот момент заменить. Но запротестовали, во-первых, противники, а во-вторых, я сама...

Так уж случилось, что я в детстве играла только с мальчишками, терпеливо соблюдала все правила, почти никогда не плакала, но зато и сама не давала спуску никому. Дома все уже привыкли к этому, только бабушка Киония никак не могла смириться с тем, что я пренебрегаю обществом сверстниц, и иногда бунтовала, не пускала меня во двор, но я, если не помогали мольбы, вырывалась и мчалась к своим братьям и их приятелям.

У нас был большой двор, площадью примерно в полгектара, поэтому именно к нам чаще всего приходили не только соседские мальчишки, но и «весь цвет» нашей улицы. Игры мы предпочитали в основном спортивные. Играла в футбол, волейбол, настольный теннис. К стене дома был прикреплен баскетбольный щит, и мы состязались в меткости бросков. Стояла у нас во дворе и перекладина, висели гимнастические кольца. Иногда мы вставляли в кольца доску и качались, как на качелях. Бабушка боялась даже смотреть на это и уходила в дом.

Не удивительно, что, кроме Эмзара, который был книголюбом и, как старший, отличался от всех нас серьезностью, остальные братья и, конечно, я вместе с ними увлекались спортом. Тамаз, например, был игроком сборной Зугдиди по баскетболу, Джемал играл в

футбол, увлекался конным спортом, окончил институт физической культуры, был чемпионом Зугдиди по шахматам, как, впрочем, и Тамаз. Сильнее всех, однако, играл в шахматы Эмзар, который дважды участвовал в чемпионатах Грузии. Вообще все мои братья имеют по шахматам первый разряд. Самый младший — Нугзар — несколько лет играл в сборной молодежной Грузии по гандболу.

Страсть к спорту сохранилась у меня на всю жизнь. И в студенческие годы и даже потом, когда уже стала мамой, я старалась не пропускать матчи по футболу, баскетболу, гандболу, волейболу и многим другим видам спорта. Сама я довольно прилично, пожалуй, в силу первого разряда, играю в настольный теннис и нередко добивалась успехов в такой сугубо мужской игре, как бильярд.

В 1962 году я жила под Москвой, готовилась к матчу с чемпионкой мира Елизаветой Быковой. Здесь же находилась и наша сборная мужская команда, которой предстояло вскоре участвовать в очередной олимпиаде. При всем моем глубочайшем почтении к прославленным гроссмейстерам я все же не стеснялась обыгрывать их в бильярд и в настольный теннис, участвовала в лодочных гонках с Давидом Бронштейном, а с теми гроссмейстерами, кто оказывал мне честь, играла пятиминутные партии, играла с огромным спортивным азартом...

Возвращаясь к детским годам, хочу сказать, что именно в играх с мальчишками, которым я старалась ни в чем не уступать, развилось и окрепло во мне обостренное самолюбие, та женская гордость, которая заставляет меня играть в мужских турнирах и испытывать особенное наслаждение от побед над «сильным полом».

Ах, эта гордость, как иногда она мешала мне! Мешала даже тогда, когда я встречалась с заведомо сильнейшими, где уж, казалось, не грех было бы смириться. В 1964 году я вместе с Михаилом Талем выступала на международном турнире в Рейкьявике. Когда мы ехали в легковой машине на очередной тур, великодушный Миша, взглянув искоса на меня, осторожно сказал:

— Нона, я бы охотно предложил ничью, но, зная твой характер, боюсь, что ты можешь обидеться. Я не ошибся?

Я улыбнулась:

— Мне, конечно, льстит твое предложение, но ты прав, Миша, — мы должны играть.

— В таком случае я сообщу тебе, что мой первый ход будет е2—е4!

Таль хотел хотя бы этим продемонстрировать свою галантность. Правда, если говорить откровенно, с его стороны это было не бог весть какое великодушие, потому что он почти всегда начинал партию именно этим ходом. И все-таки его прямота мне понравилась, но я не хотела получать даже такой скромный подарок.

— В таком случае, — сказала я в тон ему, — ответчу е7—е5!

Таль рассмеялся:

— Тогда я сыграю испанскую.

— А я тогда применю вариант, который встретился у нас на блицтурнире в Гастинге (мы играли там вместе до Рейкьявика).

Партия началась, конечно, именно так, как мы «грозились», и длилась около пяти часов. Таль одержал победу на 39-м ходу, но ему пришлось изрядно потрудиться...

Участвовала я в детстве и в военных играх. Эмзар создал при нашем дворе тимуровский отряд, состоявший, правда, в основном из моих братьев.

Я рассказываю об этом потому, что, помимо влияния родителей, школы, пионерской организации, испытывала с малых лет воздействие, если так можно выразиться, коллектива нашего двора. Я находилась в особой, замечательной нравственной атмосфере, где считалось самым позорным, самым отвратительным заирать нос, пытаться поставить себя выше других. Я получила в этом смысле такую нравственную закалку, что любая попытка со стороны кого угодно проявить высокомерие вызывает теперь во мне яростный протест.

Нередко приходится слышать и читать о том, что детей надо беречь от вредного влияния улицы. Наверное, во многих городах, особенно крупных, это действительно актуальная проблема. Но мой личный опыт позволяет мне высказать «крамольную» мысль: в небольших городках, в частности у нас в Грузии, где еще сильны патриархальные нравы, где все на улице знает друг друга, знают о любой радости в доме, о любой беде, влияние улицы, двора часто бывает благотворным.

В 1973 году группу ведущих спортсменов пригласили в Центральный Комитет комсомола. Это была не первая такая встреча, в которой я принимала участие. Спортсмены — частые гости в ЦК ВЛКСМ. Там мы собираемся не только по торжественным поводам, но и чтобы просто поговорить по душам.

Так вот, на этой встрече мне был задан вопрос, который, к сожалению, никогда не теряет свою злободневность: почему у знаменитых спортсменов довольно часто проявляются симптомы так называемой «звездной» болезни?

Я и сама не раз задумывалась над этим. Однозначного ответа здесь не найдешь.

Иногда приходится слышать, что виноваты журналисты, которые, дескать, начинают хвалить совсем юных спортсменов. Конечно, чувство меры здесь, как и в каждом деле, должно быть. И все же не журналисты повинны в том, что у некоторых добившихся ранней славы спортсменов проявляются вдруг чванливость, недостойное любого человека стремление подчеркивать свое превосходство. Пресса ведь на то и существует, чтобы, помимо прочего, рассказывать о людях, до-

стигших в той или иной области выдающихся успехов. Да и разве не возникло бы чувство обиды и недоумения, скажем, у той же Людмилы Турищевой или Ольги Корбут, если бы об их выступлениях, вызвавших восхищение во всем мире, наша спортивная печать говорила вполголоса, чтобы, упаси боже, у них не закружилась голова.

Нет, причины «звездной» болезни кроются, по-моему, в другом — в недостаточной общей культуре самого спортсмена, в отсутствии у него нравственного иммунитета, в дефектах его воспитания — в семье, в школе и... во дворе.

Именно так я ответила тогда на заданный мне вопрос, именно так думаю и сейчас. По поводу семьи и школы я, разумеется, повторяю давно известные истины, но что касается благотворного влияния улицы, то я его испытала на себе и навсегда сохранила благодарность за это к друзьям моего детства. Дух веселого коллективизма, царивший в нашей семье, в наших играх, в отношениях с соседскими ребятами, создал во мне не только устойчивый и активный иммунитет к тому, что принято называть «звездной» болезнью, но и вообще нетерпимость к любой несправедливости, к любому нарушению общепринятых правил.

Такая моя жизненная концепция подкреплена и острым интересом к юридическим проблемам. Это действительно мое хобби! Я люблю перечитывать речи Ф. Кони, других известных адвокатов. Словом, я всегда за закон, за справедливость, за строгое соблюдение «правил игры» в любой жизненной ситуации.

Боюсь, что читателя может разочаровать подобная прямолинейность моей натуры. В этом можно при желании увидеть, быть может, определенный примитивизм мышления, но что поделать — я такая есть и на том стою.

Мне случается иногда беседовать с людьми, которые в шахматах, мягко говоря, плохо разбираются, и я в подобных ситуациях испытываю постоянную неловкость, ибо сказать, допустим, «вы этого не поняли», я не могу, язык не поворачивается, а без таких слов обойтись иногда тоже трудно.

А ведь не будь у меня прочного нравственного иммунитета, я в той атмосфере всеобщей

восхищения, в которой очутилась примерно с четырнадцати лет, легко могла бы потерять голову. Это ведь уже потом Нана Александрия, а затем Ира Левитина, Майя Чибурдаидзе и другие одаренные шахматистки стали обнаруживать талант в юном возрасте, а тогда мои способности вызвали у многих удивление и даже умиление.

В 1956 году я, пятнадцатилетняя девочка, успевшая незадолго до того стать чемпионкой Грузии (с результатом 15,5 очка из 16!), успешно выступила в проходившем в Тбилиси полуфинале чемпионата СССР. Малый зал театра имени Руставели, хотя он и не такой уж малый, был бесшумен вмести всех желающих попасть на турнир.

После каждой победы мне устраивали овацию, а так как я возглавила турнир (и заняла в итоге первое место с отрывом от конкуренток в полтора очка), ажиотаж рос с каждым туром. Когда я покидала театр, меня сопровождали два милиционера — этот почетный эскорт был необходим, чтобы пробиться через огромную толпу экзальтированных болельщиков, ждавших меня у выхода. Помню, когда я шла однажды между двумя работниками милиции, встретившаяся нам женщина испуганно воскликнула: «Боже, что натворила эта несчастная девочка?»

В газетах помечались мои снимки, дружеские шаржи. Меня принял министр просвещения, подарил школьную форму и ручные часы с надписью, правда, попросив, к моему огорчению, часы в школу не носить. Я выступала по радио, по телевидению, давала сеансы одновременной игры.

Мой тренер В. Карселадзе был очень встревожен всем этим бумом. Он написал статью в газету, где выразил беспокойство по этому поводу и просил любителей шахмат сдерживать свои эмоции. Я же, должна признаться, испытывала от повышенного внимания к моей персоне явное удовольствие, и тревога тренера казалась мне напрасной. Правда, играла я словно в каком-то розовом тумане, была очень возбуждена, но это, как ни странно, помогало мне, создавало какое-то особое, неподдающееся настроению.

Именно с тех пор я люблю играть при большом стечении публики, в живом, напряженном, пусть даже чрезмерно шумливом

зале. Шахматы все-таки спорт, а спорт без зрителей немислим.

Еще большее нравственное испытание пришлось мне выдержать в 1962 году, когда я выиграла матч у Елизаветы Быковой и в 21 год стала чемпионкой мира. Ко мне, молодой девушке, детство которой протекало в провинциальном городке, пришла мировая слава. Сначала все было в рамках традиции — официальные речи на закрытии матча, поздравления, лавровый венок. Благородное заявление Быковой: «Конечно, тяжело лишиться звания чемпионки мира. Но когда осознаешь, что титул перешел в надежные руки, грусть немножечко ослабевает».

Я, конечно, благодарилась всех — организаторов, судей, тренеров, соперницу. Хотя я по-прежнему испытывала смущение перед большим скоплением людей, прогресс был налицо: вместо одного «спасибо» я произнесла это слово уже несколько раз.

Но главное началось потом. Я увела из гостеприимной столицы, и тут наступила очередь моих самых пламенных болельщиков. Начиная от Сухуми, где меня встретила делегация зугдидцев, на каждой станции приходилось выходить на перрон и отвечать на приветствия. Какие-то незнакомые мне люди, сменяясь, стояли «в карауле» у дверей купе, оберегая мой покой от не в меру назойливых пассажиров.

В Тбилиси на вокзальной площади состоялся митинг. Народу было столько, что люди сидели даже на крышах домов. Мой дядя в суетоке потерял туфли, у сопровождавшего меня майора милиции раздали часы, а отца так стиснули, что ему стало плохо.

Потом была незабываемая встреча в театре оперы и балета. Встреча торжественная, поэтическая и необыкновенно сердечная.

Было много и других встреч — с учеными, рабочими, студентами, крестьянами... И все это, хотя и не столь эмоционально, не прекращается до сих пор.

Надеюсь, вы верите мне, что я рассказываю об этом не по причине тщеславия. Если сначала слава и тешила меня, доставляла — не стыжусь признаться — радость, наслаждение, то теперь, привыкнув к ней, научившись смотреть на восторги поклонников шахмат более трезво, а в чем-то, надеюсь, и

Роберт ШЕКЛИ

РАССКАЗ

ПРОБЛЕМЫ ОХОТЫ

Перевод с английского Александра САНИНА

то был последний военный сбор перед Большим Праздником скаутов, и на него прибыли все отряды. Отряд № 22 — «Парящий сокол» — расположился в тенистой ложине и нес передовой дозор. Отряд № 31 — «Отважные бизоны» — патрулировал небольшую речушку. Одновременно «бизоны» упражнялись в питье жидкости и возбужденно хохотали над непривычными ощущениями.

Отряд № 19 — «Охотники на мирашей» — ожидал разведчика Дрога, как всегда, опаздывавшего.

Дрог, со свистом спустившись с высоты десять тысяч футов и обретя твердое тело, торопливо присоединился к группе скаутов.

— Уф, — сказал он, — простите, я не думал, что уже...

Командир отряда свирепо уставился на него.

Вокруг захихикали. Дрог густо покраснел. Ему хотелось провалиться сквозь землю.

— Этот сбор мне хотелось бы начать с «Клятвы Скаутов», — сказал Командир. Он прокашлялся и продолжил: — «Мы, юные скауты планеты Элбоной, клянемся увековечить знания и опыт наших предков-пионеров. Для этой цели мы принимаем их облик и становимся такими, какими были они, когда покоряли девственные просторы Элбоной. Мы клянемся...»

Разведчик Дрог настроил свои слуховые рецепторы, чтобы лучше слышать командирскую речь. Он всегда очень волновался, когда слышал «Клятву Скаутов».

Трудно поверить, что когда-то их предки были привязаны к Земле. Нынешние элбонойцы умели летать на высоте до двадцати тысяч футов, сохраняя при этом лишь самый минимум своего тела и питаясь космической радиацией. Вниз элбонойцы спускались в случае крайней необходимости, а также во время подготовки к Большому Празднику.

— ...вести только честную и справедливую борьбу, — продолжал Командир. — Еще мы клянемся пить жидкости и есть твердую пищу, как это делали они, и в еще большей степени овладеть их знаниями и умениями.

Ритуал закончился, и молодые скауты рассыпались по равнине. Командир отряда подошел к Дрогу.

— Это последний сбор перед Большим Праздником, — сказал он.

— Я знаю, — ответил Дрог.

— А ты еще до сих пор всего-навсего разведчик второго класса. Все остальные уже давно имеют первый класс или хотя бы звание младшего пионера. Что могут подумать о нашем отряде?

Дрог смущенно поежился.

— В этом не только моя вина, — сказал он. — Конечно, мне не удалось сдать нормативы по плаванию и по приготовлению бомбы, но не в этом мое призвание. Не могу же я уметь делать все. Даже среди пионеров были узкие специалисты.

— В чем же твое призвание? — прервал его Командир.

— Горы и леса, — с готовностью ответил Дрог. — Я прошел полный курс по выслеживанию и охоте.

Некоторое время Командир испытующе смотрел на него. Затем медленно произнес:

— Дрог, как ты смотришь на то, чтобы воспользоваться последним шансом получить первый класс до начала Большого Праздника да еще и Почетный Знак в придачу?

— Я готов на все ради этого! — крикнул Дрог.

— Прекрасно, — сказал Командир. — Как называется наш отряд?

— Отряд «Охотники на мирашей», сэр!

— А что такое мираш?

— Мираш — это крупный и свирепый зверь, — четко отвечал Дрог. — Когда-то мираши заселяли обширную часть Элбоной, и наши предки вели с ними жестокую борьбу. Теперь все мираши уже уничтожены.

— Это не совсем так, — сказал Командир отряда. — Один разведчик исследовал леса в пятистах милях к северу отсюда, координаты 233° с. ш. — 482° з. д., и обнаружил стаю из трех мирашей. Все самцы, так что охотиться на них можно. Я хочу, чтобы ты, Дрог, их выследил. Еще я хочу, чтобы ты, используя методы пионеров, добыл шкуру одного мираша. Справишься?

— Убежден, что справлюсь, сэр!

— Тогда отправляйся немедленно, — сказал Командир, — и запомни: шкуру мираша мы прикрепим к нашему флагштоку. Нас наверняка отметят на Большом Празднике.

— Слушаюсь, сэр! — Дрог поспешно собрал все снаряжение, наполнил флягу жидкостью, захватил завтрак из твердой пищи и отправился в путь.

Через несколько минут он уже парил над заданным квадратом. Местность была дикой и романтической — горы, покрытые снегами, причудливо изломанные скалы, редкие деревья, разбросанные по равнине, и заросли густого кустарника. Дрог озабоченно осматривался.

Он слегка покривил душой перед Командиром отряда.

Он был не слишком силен в выслеживании и охоте. Дрог был способен лишь на то, чтобы многими часами парить в мечтательной задумчивости среди облаков на высоте пять тысяч футов.

А вдруг ему не удастся найти мирашей? Вдруг мираши первыми заметят его? Внезапно он почувствовал слабый запах мирашей. И тут же уловил какое-то движение возле Т-образной скалы, ярдах в двадцати от него.

«Как все, оказывается, просто, — подумал Дрог. — Везет же мне!» Он спокойно замаскировался подходящим образом и начал продвигаться вперед.

Горная тропа становилась круче. Солнце палило совершенно беспощадно. Даже в своем кондиционированном комбинезоне Пакстон обливался потом. Ему уже чертовски приелось все это.

— Когда мы, наконец, уберемся отсюда? — спросил он.

Эррера успокаивающе похлопал его по плечу.

— Ты что, не желаешь разбогатеть?

— Мы и так уже богаты, — сказал Пакстон.

— Да, но недостаточно, — заметил Эррера, и его длинное, коричневое от загара лицо сморщилось в улыбку.

Подошел Стильмэн, пыхтя под тяжестью поискового оборудования. Он осторожно опустил свой груз на тропинку и уселся рядом.

— Слушайте, джентльмены, не пора ли передохнуть немного?

— Можно, — сказал Эррера. — Я вообще готов был бы всю жизнь отдыхать.

Он сел, прислонившись спиной к Т-образной скале.

Стильмэн закурил трубку, а Эррера, расстегнув «молнию» на кармане комбинезона, достал сигару. Пакстон некоторое время наблюдал за ними. Затем он повторил свой вопрос:

— Так когда же мы уберемся с этой планеты? Или вы собираетесь всю жизнь торчать здесь?

Эррера усмехнулся и, чиркнув спичкой, зажег сигару.

— Ты что, не слышал, что я сказал? — завопил Пакстон.

— Успокойся, не тебе одному решать, — сказал Стильмэн. — В этой экспедиции мы равноправные партнеры.

— Но все это было организовано на мои деньги! — напомнил Пакстон.

— Разумеется. Только поэтому мы и приняли тебя в долю. Эррера — опытный золотоискатель. Я обладаю всеми теоретическими знаниями и вдобавок управляю ракетой. А у тебя были деньги.

— Но мы уже и так завалили весь корабль, — настаивал Пакстон. — Грузовые отсеки набиты до предела. Почему бы нам не отправиться наконец в какое-нибудь цивилизованное место и не начать прожигать жизнь?

— Мы с Эррерой не разделяем твоих аристократических замашек, — сказал Стильмэн. — У нас с ним есть невинное желание заполнить сокровищами каждую щель, каждый уголок. Мы хотим, чтобы бочки для горячего были набиты золотом, мешки для зерна — изумрудами, чтобы пол был на целый фут покрыт алмазами. Ведь здесь повсюду разбросаны бесценные сокровища, которые умоляют, чтобы их подобрали. Мы хотим быть фантастически богаты, Пакстон, до отвращения богаты, понимаешь?

Пакстон не слушал. Он напряженно всматривался во что-то у изгиба тропы. Внезапно он прошептал:

— Это дерево только что сдвинулось с места.

Эррера расхохотался.

— Видимо, какое-то чудовище, — насмешливо сказал он.

— Спокойно, — сказал Стильмэн. — Послушай, малыш, я уже пожилой, расплывший человек, и меня нетрудно напугать. Неужели ты думаешь, что я бы

оставался здесь, если бы нам грозила хоть малейшая опасность?

— Смотрите! Оно снова шевельнулось!

— Мы обследовали эту планету три месяца назад,—сказал Стиллман.—И не обнаружили здесь никаких признаков пребывания разумных существ, никаких опасных животных и ядовитых растений. Здесь есть только леса, горы, озера, реки да разбросанные повсюду изумруды и золотые слитки. К тому же в противном случае на нас бы уже наверняка напали.

— Говорю вам, я видел, как оно двигалось,—настаивал Пакстон.

Эррера встал.
— Это дерево?—спросил он.
— Да. Посмотри сам, оно даже не похоже на другие деревья. Совсем иная форма...

Неуловимым движением Эррера выхватил из кобуры бластер и трижды выстрелил в дерево. Через мгновение там, где стояло дерево, и в радиусе десяти ярдов вокруг остались только черные, обгоревшие остовы.

— Ну вот и все,—сказал Эррера. Пакстон поскреб подбородок.

— Я слышал, как оно вскрикнуло, когда ты выстрелил.

— Ну, конечно. Но теперь я его уже пристрелил,—мягко сказал Эррера.—Если еще что-нибудь будет двигаться, ты мне только скажи, я и с ним разделаюсь. Ну, а теперь давайте-ка соберем еще изумрудов.

Пакстон и Стиллман, подобрав свои сумки, двинулись вверх по тропе за Эррерой.

— Ничего парень, да?—тихо сказал Стиллман Пакстону, кивая на Эррера.

Дрог с трудом приходил в себя. Огненное оружие мираша застало его врасплох. До сих пор он не мог понять, как это произошло. Ведь не было даже предварительного обнюхивания, рычания, прижимания ушей, буквально никакого предупреждения. Мираш напал совершенно внезапно, не попытавшись даже выиснить, друг перед ним или враг.

Теперь Дрог осознал, с каким беспощадным зверем он столкнулся. Подождя, пока затихнут шаги мирашей, он, преодолевая боль, попытался привести в порядок зрительные рецепторы. Ничего не вышло. Дрога охватил ужас. Если повреждена нервная система, это конец.

Он сделал еще одну отчаянную попытку и вздохнул с облегчением—зрение восстановилось.

Инстинктивно он успел сквондироваться в момент вспышки, и это спасло ему жизнь.

Дрог почувствовал, что у него не осталось уже ни малейшего желания преследовать мирашей. Ну, а что, если он вернется без этой дурацкой шкуры? Он мог бы сказать Командиру отряда, что все мираши оказались самками, на которых охотиться было запрещено. Слово разведчика не подвергается сомнению, и его никто не стал бы проверять и допрашивать.

Впрочем, он никогда не пойдет на это. Как можно было только подумать такое? «Что ж,—мрачно размышлял он,—может, уйти из скаутов? Положить конец надоевшим котрам, пению, играм, товариществу? Нет, ни за что! Надо взять себя в руки».

В этот раз он действовал так, как будто мираш был сознательным существом. А ведь мираши—неразумные существа. Ни одно животное без щупальцев не может быть разумным. Это Закон Этлиба, а он никогда еще не нарушался. В борьбе разума с животным инстинктом разум всегда побеждает. Иначе быть не может. Остается только избрать способ.

Дрог вновь пустился на поиски мирашей, преследуя их по запаху. «Какое лучше применить оружие?—думал он.—Небольшую бомбу? Нет, это почти наверняка испортит шкуру».

Вдруг он остановился и расхохотался. Все было так просто, и как он только раньше не додумался? Зачем ему было вступать в непосредственный и опасный контакт с мирашами? Надо было только слегка пораскинуть мозгами, использовать свои знания психологии животных и умение расставлять капканы с приманкой.

Вместо того, чтобы преследовать мирашей, он отправится к ним в логово. И там он устроит ловушку.

Их временный лагерь был разбит в пещере. Когда они добрались туда, солнце уже садилось. Утесы и острые вершины скал отбрасывали на землю причудливые длинные тени. Корабль находился в долине, милях в пяти от лагеря. Его металлический корпус отбрасывал красновато-серебристые блики. В сумках путешественников было около дюжины изумрудов, небольших, но изумительно-го качества.

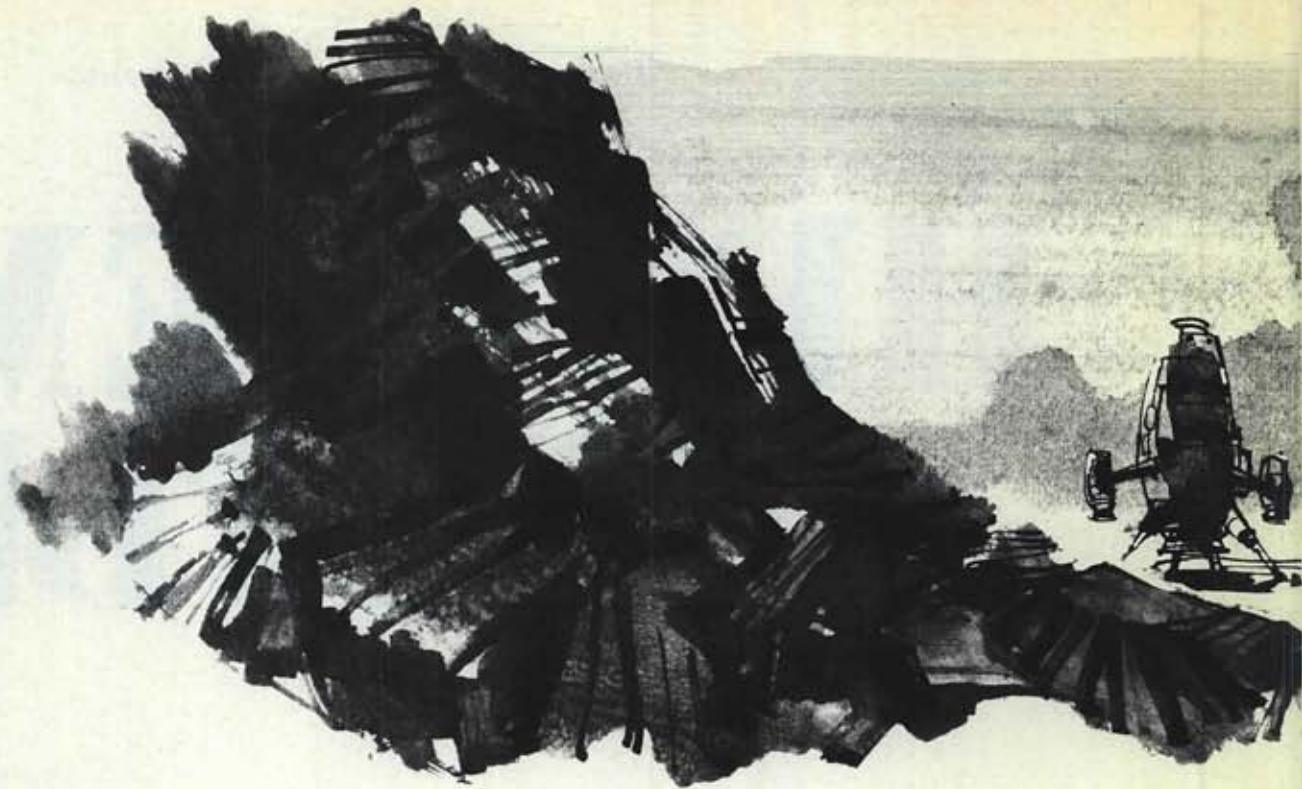
В такие минуты Пакстон любил мечтать о девушке со светлыми волосами из маленького городка в Огайо; Эррера улыбался про себя, предвкушая, как он протранжирует миллион долларов, прежде чем займется серьезным делом, а Стиллман мысленно проговаривал свою будущую диссертацию об инопланетных минеральных месторождениях.

У всех было приподнятое настроение. Пакстон полностью оправился от недавней встряски. Он бы уже не возражал, если бы и в самом деле вдруг появилось какое-нибудь зеленое чудовище, преследующее прелестную девушку.

— Ну, вот мы и дома,—сказал Стиллман, когда они достигли входа в пещеру.—Как насчет бифштекса на ужин?—Сегодня была его очередь готовить.

— Только с луком,—откликнулся Пакстон, направляясь в пещеру. Вдруг он отскочил назад.—Это еще что за чертовщина?

В нескольких футах от входа они увидели блюдо с маленьким, еще дымящимся бифштексом, бутылку виски и четыре крупных алмаза.

— Странно,—сказал Стиллман.—И чертовски тревожно. Пакстон склонился, чтобы лучше рассмотреть алмазы, но Эррера оттолкнул его.

— А если они начинены взрывчаткой?
— Но я не вижу никаких проводов,—возразил Пакстон. Эррера уставился на бифштекс, алмазы и виски. Выглядел он весьма мрачным.

— Не верю я всему этому,—сказал он.
— Возможно, на планете все же есть аборигены,—предположил Стиллман,—и они очень робкие. А это они могли прислать в знак своих добрых намерений.

— Правильно,—ответил Эррера,—и они послали на Землю за бутылкой «Олд Спейс Рейдджер» специально ради нас!

— Что будем делать?—спросил Пакстон.

— Отойдите-ка немного назад,—приказал Эррера. Он отломил от стоящего рядом дерева длинную ветку и осторожно потрогал ею алмазы.

— Ну вот, ничего же не случилось,—сказал Пакстон. Длинная трава, в которой стоял Эррера, внезапно обвила его щиколотки. Земля под ним вздыбилась, образовав небольшой диск футов пятнадцати диаметром, который, вырывая с корнями траву, завертелся и начал подниматься в воздух. Эррера попытался прыгнуть, но стебли держали его, словно тысячи зеленых щупальцев.

— Держись!—завизжал Пакстон и, прыгнув вперед, уцепился за край диска. Диск круто накренился, на мгновение замер, а затем вновь стал подниматься. Но Эррера уже успел выхватить охотничий нож и начал судорожными движениями рассекать державшие его стебли. Выйдя из оцепенения при виде парящего в воздухе Пакстона, Стиллман ухватил его за ноги, задержав еще ненадолго стремительный подъем диска. Тем временем Эррера с силой вырвал еще одну ногу, перекинув свое мощное тело через край диска. Стебли, обвивавшие вторую ногу, постепенно поддались под его тяжестью. Падая вниз головой, Эррера успел в последний момент подогнуть шею и приземлился на плечи. Пакстон тоже отпустил диск и свалился прямо на Стиллмана.

Облегченный диск вместе с бифштексом, алмазами и бутылкой виски взмыл вверх и скрылся из виду.

Солнце село. Трое мужчин молча вошли в пещеру, держа бластеры наготове. У входа они разожгли костер, а сами прошли вглубь.

— Будем дежурить по очереди,—приказал Эррера.

Пакстон и Стиллман согласно кивнули.

— Ты прав, Пакстон,—продолжал Эррера,—мы уже достаточно долго прожили здесь.

— Слишком долго,—подтвердил Пакстон.

— Как только рассветет, мы перейдем на корабль и уберемся отсюда к черту.

— Если нам суждено добраться до корабля,—сказал Стиллман.

Дрог был полностью обескуражен. С замиранием сердца он следил за тем, как сработал его капкан, какая развернулась борьба и как мирашу удалось спастись. Это был такой замечательный мираш! Самый крупный из троих.

Теперь Дрог осознал, в чем была его ошибка. В стремлении добиться наилучшего результата он переборщил с приманкой. Было бы достаточно и одних минералов, без которых мираши явно не могли обходиться. Так нет же, ему захотелось улучшить методы пионеров и использовать еще пищевой стимул. Не удивительно, что мираши заподозрили что-то неладное.

Теперь же они озлобились и держались настороже. А разъяренный мираш—одно из самых опасных существ во всей Галактике.

Когда на западе Элбоная взошли обе Луны, Дрог почувствовал себя слишком одиноким. Он видел пылающий у входа в пещеру костер, разведенный мирашами, видел самих мирашей, затаившихся в глубине, с оружием наготове.

Неужели шкура мираша стоила таких усилий? Дрог подумал, как хорошо было бы сейчас полетать на высоте пять тысяч футов и помечтать немного, вылепливая затейливые фигурки из облаков. Он с удовольствием поел бы

Рисунок Геннадия НОВОЖИЛОВА

немного космической радиации, вместо того чтобы поглощать отвратительную твердую пищу. И вообще какой смысл во всей этой охоте с преследованием? Ненужные умения, которые никогда не пригодятся его народу.

Дрог было уже совсем убедил себя в этом, как вдруг его словно осенило. Да, элбонайцы пережили то время, когда шла борьба за существование. В рамках своей цивилизации они не веди никакой борьбы. Но Вселенная велика и полна неожиданностей. Кто может предвидеть, что ждет цивилизацию, с какими новыми опасностями придется ей столкнуться? И как быть тогда, если охотничьи навыки будут утрачены?

Нет, старые знания нельзя забывать; они должны служить образцом, должны напоминать, что мирная и разумная жизнь слишком шатка и непостоянна во враждебной Вселенной.

Он добудет шкуру мираша или погибнет. Самое главное — заставить их покинуть пещеру. Охотничий инстинкт вновь вернулся к Дрогу. Быстро и умело он настроил свои голосовые связки на голос мирашей.

— Ты слышал? — спросил Пакстон.
— Кажется, да, — ответил Стилмэн.
Они напряженно вслушивались в темноту. Звук послышался снова. Чей-то голос кричал:
— На помощь! На помощь!
— Это девушка! — Пакстон вскочил на ноги.
— Только похоже на девушку, — подчеркнул Стилмэн.
— На помощь, умоляю! — слышались крики. — Я больше не выдержу! Помогите хоть кто-нибудь!

Кровь бросилась в голову Пакстону. На мгновение он представил себе девушку — маленькую, хрупкую, спящую возле своего сломанного туристического корабля (что за идиотство путешествовать таким образом!) в окружении скользких, отвратительных зеленых чудовищ.

Пакстон поднял запасной бластер.
— Я пойду туда, — спокойно сказал он.
— Сядь на место, идиот! — приказал Эррера.
— Ты же слышал, как она...
— Это не может быть девушка, — сказал Эррера. — Откуда возьмется девушка на этой планете?

— Это я собираюсь выяснить, — решительно заявил Пакстон, угрожающе размахивая двумя бластерами.
— Сядь! — рявкнул Эррера.

— Он прав, — попытался урезонить Пакстона Стилмэн, — даже если там действительно девушка, в чем я очень сомневаюсь, мы все равно уже не сможем ей помочь.

— На помощь! Помогите! Он бежит за мной! — звал голос.
— Прочь с дороги! — с угрозой крикнул Пакстон.
— Ты в самом деле хочешь идти? — недоверчиво переспросил Эррера.
— Да. И попробуй только мне помешать!
— Что ж, валяй! — Эррера махнул рукой к выходу из пещеры.
— Нельзя же так отпускать его, — с ужасом сказал Стилмэн.
— Ему же подышать, — лениво ответил Эррера.
— Не беспокойтесь, — сказал Пакстон, — через пятнадцать минут я вернусь. — И прибавил: — Вместе с ней.

Повернувшись на каблуках, он направился к выходу. Эррера подался чуть вперед и точно рассчитанным движением стукнул его поленом по затылку. Стилмэн еле успел подхватить осевшее тело.

Вдвоем они оттащили Пакстона в глубь пещеры и вернулись на свой пост. Несчастная леди стонала и умоляла о помощи еще долгих пять часов.

Мрачный, дождливый рассвет Дрог встретил в ста ярдах от пещеры. Он видел, как мираши выбрались наружу и тесной кучкой, с оружием наготове двинулись вперед, внимательно осматривая все вокруг.

Почему и на сей раз у него ничего не получилось? Учебник скаутов говорил,

что это самое верное средство выманить самца мираша.

Мираши направлялись к яйцевидному металлическому снаряду, в котором Дрог узнал примитивное приспособление для космических полетов. Модель была довольно грубая, но внутри ее мираши оказались бы в безопасности.

Конечно, он мог просто тревестировать их, но это было бы слишком негуманно... Древние элбонайцы всегда были милостивы к своим врагам, а юный разведчик во всем стремился походить на них.

Оставалась еще илитроция. Это был один из древнейших способов, но для его осуществления Дрогу пришлось бы подобраться к мирашам вплотную. Впрочем, терять ему было уже нечего.

К тому же погода благоприятствовала ему.

Сначала висела лишь легкая, прозрачная дымка. Но затем, когда водянистое солнце взошло на сером небосклоне, спустился настоящий туман.

Когда он начал сгущаться, Эррера с досадой выругался.

— Держитесь ближе друг к другу, — сказал он. — Надо же, такое невезение!

Теперь они шли, держа друг друга за плечи, с бластерами наготове. Рассмотреть что-либо в непроницаемой мгле было невозможно.

— Эррера!
— Что?
— Ты уверен, что правильно идем?

— Конечно. Я взял курс по компасу еще до проклятого тумана.

— А если компас сломается?
— Не думай лучше об этом.

Они шли, осторожно прокладывая дорогу среди обломков скал.
— Кажется, я вижу корабль, — сказал Пакстон.

— Нет, еще рано, — отозвался Эррера.

Неожиданно Стилмэн споткнулся о камень и выронил бластер. Подняв его, он пошарил во мгле руками, пока не нащупал плечо Эрреры, и продолжил свой путь.

— Уже близко, — сказал Эррера.
— Хотелось бы верить, — откликнулся Пакстон, — я уже сыт по горло всем этим.

— Думаешь, твоя красотка ждет тебя на корабле?
— Тебе не надоело болтать об одном и том же?

— Ладно-ладно, — сказал Эррера. — Послушай, Стилмэн, держись-ка лучше за мое плечо. Не стоило бы сейчас теряться.

— Я и так держусь за твое плечо, — ответил Стилмэн.
— Ничего подобного.

— Говорю тебе, что да.
— Послушай, я, наверное, лучше знаю, держит меня кто-то за плечо или нет.

— Может, это твое плечо, Пакстон?
— Нет, — отозвался тот.

— Плохо дело, — медленно произнес Стилмэн, — очень плохо.
— Почему?

— Потому что я определенно держусь за чье-то плечо.
— Ложись! — дико заорал Эррера. — Быстрой ложись! Дай мне выстрелить!

Но было уже поздно. Кисловатый запах распространился в воздухе. Стилмэн и Пакстон вдохнули его и рухнули как подкошенные. Эррера вслепую рванулся вперед, стараясь не дышать, но споткнулся, перелетел через обломок скалы, попытался встать...

Все почернело в его глазах.
Неожиданно туман рассеялся. Дрог стоял один, торжествующе улыбаясь. Он вытащил длинный нож и склонился над ближайшим к нему мирашем...

Корабль несся к Земле со скоростью, грозившей в один миг пережечь все двигатели. Эррера суетился над пультом управления. Наконец ему удалось, обретя свое обычное хладнокровие, переключить скорость на нормальную. Его руки дрожали, а загорелое лицо все еще было землистого цвета. Из каюты, пошатываясь, вышел Стилмэн и в полном изнеможении рухнул в кресло второго пилота.

— Как Пакстон? — спросил Эррера.
— Я впрыснул ему Дрон-3, — сказал Стилмэн. — Все будет в порядке.

— Он славный мальш, — сказал Эррера.
— Думаю, это шок, — сказал Стилмэн. — Когда он придет в себя, я посажу его считать алмазы. Лучшей терапии, по-моему, не придумаешь.

Эррера ухмыльнулся, и лицо его начало обретать нормальный оттенок.

— Теперь, когда все уже позади, я бы и сам с удовольствием посчитал алмазы. — Вдруг его длинное лицо посерьезнело. — Не могу я все-таки понять, Стилмэн, какому черту и зачем это могло понадобиться? Хоть убей, не понимаю.

Большой Праздник скаутов был изумительным зрелищем. Отряд № 22 — «Парящий сокол» — показал небольшую пантомиму, изображавшую покорение Элбона. Отряд № 31 — «Отважные бизоны» — был одет в боевую форму пионеров.

Во главе «Охотников на мирашей» стоял Дрог, теперь уже разведчик первого класса. Он держал знамя отряда, что считалось знаком высшей чести, и все громко приветствовали его.

Потому что на флажке гордо развевалась шкура настоящего взрослого мираша, и все ее «молнии», клапаны, пуговицы, застежки и кобуры весело и ослепительно сверкали на солнце.

Рисунки Леонида ТИШКОВА, Владимира СОЛДАТОВА, Владимира ИВАНОВА, Виктора СКРЫЛЕВА, Б. БИН и Андрея НЕКРАСОВА

ИГРАЕТ ЧЕМПИОНКА ПЛАНЕТЫ

Уже полтора десятилетия «царствует» в шахматном мире замечательная советская спортсменка Нона Гаприндашвили. Для того, чтобы подчеркнуть высокий класс игры нынешней обладательницы шахматной короны, вниманию читателей предлагаются эпизоды не из женских баталий, а из тех поединков Ноны Гаприндашвили, в которых ее соперниками были известные шахматисты-мужчины.

Перед вами изображено положение фигур, создавшееся после 28-го хода белых в партии международного турнира 1971 года в Тбилиси. У Н. Гаприндашвили были черные, а белые — у видного монгольского мастера Уитумена. Смелой жертвой качества (ладьи за легкую фигуру) черные овладевают инициативой. С парой слонов и далеко продвинутой проходной пешкой белым практически невозможно справиться.

28. ... Ле4:d4! 29. с3:d4 Ф6:d4 30. Сd3-c2 Сd7-b5 31. Сс2-b3 Фd4-f6 32. Лf1-e1.

Белые в целях высвобождения готовы немедленно вернуть благоприобретенный материал, но черные, естественно, пренебрегают этой возможностью, подготавливая решающий тактический удар.

32. ... g7-g6 33. f5:g6 h7:g6 34. Фh5-d5 Фf6-f2+!!

Великолепная комбинация, увенчивающаяся редким на практике превращением пешки в коня.

35. Ле2:f2 e3:f2+ 36. Кpg1-g2 f2:e1K+!!

Не только красивое, но и единственно правильное решение, потому что в случае появления нового ферзя в распоряжении белых оказывался спасительный «вечный шах» — 36. ... feф?? 37. Ф:f7+ Крh6 38. Фf6+ Крh7 39. Фf7+ Крh6 40. Фf4+, и т. д. с неизбежной ничьей.

37. Кpg2-h3 Фe8-e7 38. Крh3-h4 Сb5-c6 39. Фd5-d1 Ke1-f3+ 40. Крh4-h3 Кf3-g5+ 41. Крh3-h4 Кg5-f3+ 42. Крh4-h3 Кf3-g1+ 43. Крh3-h4 Fe7-d7!, и белые сдались.

К такой позиции пришла после 19-го хода черных партия Н. Гаприндашвили с югославским гроссмейстером Кураица на международном турнире в Олофе в 1973 году.

Только что чемпионка мира ради обострения борьбы отдала одну пешку, а теперь жертвует и вторую.

20. b3-b4! Фc5:b4 21. Сс1:a3 Фb4:a3 22. Кс3-d5! Фа3-c5 23. Кd5:e7+ Кpg8-f7 24. e4:f5!

Белые находят лучшее продолжение, позволяющее им организовать атаку на недостаточно защищенного короля партнера. Куда больше встречных шансов было бы у черных в варианте 24. К:g6? С:e4!

24. ... Сb7:g2 25. Ke2-d4!!

Еще один эффектный комбинационный маневр, оставляющий неизгладимое впечатление. Плохи дела черных теперь и в случае 25. ... С:d4 26. Ф:e6+ и после 25. ... С:f1 26. Ф:e6+ Крe8 27. Кeс6x.

25. ... e6-e5 26. Крh2:g2 Крf7:e7 27. f4:e5 Сg7:e5 28. Фе1-e4 Лa8-c8 29. f5:g6 Лf8:f1 30. Кpg2:f1 Фc5-c4 31. g6-g7!

Несмотря на изобретательные действия черных, перевес чемпионки мира уже достаточен для конечной победы.

На этой диаграмме вы видите позицию из партии международного турнира 1974 года в Дортмунде между Н. Гаприндашвили и итальянским мастером Паоли. На очереди 24-й ход белых.

У игравшей черными чемпионки мира лишней «пехотинец». Минимальное материальное превосходство она использует с завидной технической легкостью. 24. Лd1-d3! a6-a5 25. Лh1-d1 a5-a4 26. Лd3:d8+ Лa8:d8 27. Лd1:d8+ Фc7:d8 28. Фе2-d3! Фd8-a5.

Более упорно черные могли сопротивляться посредством немедленного хода 28. ... Фа8, пока у белого короля еще не «открыта форточка».

29. a2-a3! Фа5-a8 30. Кf3-g5 Фа8-d5 31. Ke4-f6+!

Энергичные кавалерийские прыжки быстро решают судьбу схватки. Однако наладить оборону черные в сложившейся обстановке никак не могли.

31. ... Се7:f6 32. Фd3:h7+ Кpg8-f8 33. e5:f6 Кс4-d2+ 34. Крb1-c1 Кd2-b3+.

Ценою коня черные хотят добиться ничьей, но их попытки четко отражаются.

35. c2:b3 Фd5-h1+ 36. Крc1-c2 a4:b3+ 37. Крc2:b3 Фh1-d5+ 38. Крb3-c2 Фd5-c4+ 39. Крc2-b1 Фc4-f1+ 40. Крb1-a2 Фf1-c4+ 41. Кра2-a1! Фc4-f1+ 42. Фh7-b1 Фf1:f4 43. f6:g7+ и ввиду неотвратимого перевода игры в безнадежный пешечный эндшпиль для черных они сложили оружие.

Весьма оригинальную партио-миниатюру выиграла Н. Гаприндашвили у другого итальянского мастера, Сервати, на том же Дортмундском международном турнире 1974 года. На диаграмме отображена ситуация, возникшая после 14-го хода черных.

Неожиданной жертвой обеих ладей — комбинацией в духе шахматистов прошлого столетия — игравшая белыми чемпионка буквально молниеносно добивается успеха.

15. Фd1-d4!! Фg2:h1+ 16. Крe1-d2 Фh1:a1?

Смелая комбинация советской шахматистки настолько поразила ее соперника, что он автоматически взял вторую ладью и был сразу ноккаутирован. Правда, вариант 16. ... Фс6 17. Ле1!! f6 18. С:f8 Кр:f8 19. c5! тоже не «сахар», но посредством 16. ... Ф:h2 еще можно было бороться.

17. Фd4-f6!!!, и черные капитулировали.

Под редакцией заслуженного тренера РСФСР Виктора ЛЮБЛИНСКОГО

КРОССВОРД

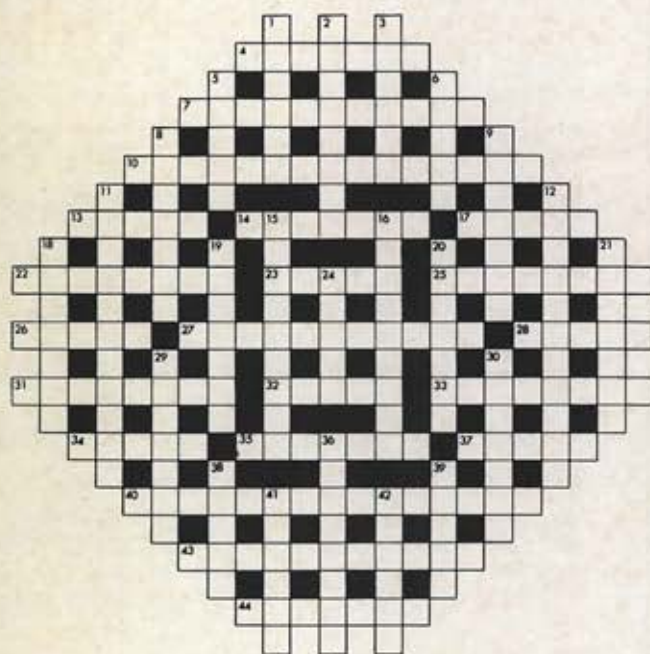
Составил В. ВОХМЯНИН,
г. Киров

По горизонтали:

4. Спутник планеты Сатурн. 7. Симфоническое произведение М. И. Глинки. 10. Отрасль прикладной электрохимии. 13. Минерал, драгоценный камень. 14. Представительница коренного населения союзной советской республики. 17. Искусство театральяного танца. 22. Озеро на юге Канады. 23. Стиль в архитектуре. 25. Разноцветные бумажные кружочки. 26. Народный художник СССР. 27. Способ пометки птиц для научных наблюдений. 28. Эпизод в пьесе. 31. Советская лыжница, чемпионка XI зимней Олимпиады. 32. Ящерица. 33. Советский сатирический журнал. 34. Декоративное луковичное растение, цветок. 35. Летчица, Герой Советского Союза. 37. Спортсмен, силач. 40. Разведение особой породы овец. 43. Композитор, Герой Социалистического Труда. 44. Партизанка, Герой Советского Союза.

По вертикали:

1. Приток Енисея. 2. Оперетта Ж. Оффенбаха. 3. Французский композитор. 5. Бальный танец. 6. Длительность схватки в боксе. 8. Сорт тыквы. 9. Союзная советская республика. 11. Видоизменение, преобразование. 12. Специалист по улучшению сортов растений, пород животных. 15. Сплав металла с ртутью. 16. Туркменский писатель, Герой Социалистического Труда. 18. Дирижер, народный артист СССР. 19. Прибрежное судоходство. 20. Смычковый инструмент. 21. Промежуточный пункт на пути следования поездов. 24. Драматическое произведение. 29. Денежная единица Венесуэлы. 30. Поэма А. С. Пушкина. 36. Небольшой морской рак. 38. Плод тропического растения. 39. Химический элемент. 41. Циклон. 42. Персонаж оперы С. С. Гулака-Артемовского «Запорожец за Дунаем».

ОТВЕТЫ
НА КРОССВОРД,
НАПЕЧАТАННЫЙ
В № 13

По горизонтали:

7. Парогенератор. 10. Маханачи. 11. Гидролог. 14. «Перекоп». 16. Карат. 18. Кафедра. 19. Волан. 20. Дудук. 21. Торий. 23. Бизон. 24. Канареечник. 26. Шолалур. 27. Качалов. 28. Гаронна. 29. Монолог. 32. «Орестея». 34. «Коробейники». 35. Фильм. 36. Брасс. 37. Россия. 39. Аврал. 41. Актиний. 42. «Искра». 43. Никитин. 46. Голубика. 47. Академия. 48. Полимеризация.

По вертикали:

1. Шаталов. 2. Колас. 3. Пеликан. 4. Белград. 5. Сайда. 6. Потомак. 8. Каренина. 9. Полевица. 12. Сеневорошилка. 13. Артоболовский. 15. Повар. 16. Каварадосси. 17. Турчанинова. 18. Кулик. 22. Феномен. 24. Кубок. 25. Капри. 30. Осьминог. 31. Гобой. 32. Океан. 33. Серпилин. 37. Рисунок. 38. «Исламей». 39. Армавир. 40. Либерия. 44. Пиния. 45. Сазан.

Тема: Уверенный.

НЕ ЖДИ!

Слова Григория ПОЖЕНЯНА
Музыка Вадима СЕРЕЖНИКОВА

Когда у друга под ногой
Трежит непрочный лед,
Не жди, когда спасет другой,—
Бросайся сам вперед.
Любую ношу сам неси,
Не жди спасенья—сам спаси.
Метет ли выюга, льют дожди— (2 раза)
Не жди,
не жди,
не жди.

Когда мелькнет крыло любви—
Не трать напрасно дни.
Не жди ее и не зови,
Навстречу ей шагни.
И сам свою тропу тори.
Не жги огней, а сам гори.
Метет ли выюга, льют дожди— (2 раза)
Не жди,
не жди,
не жди.

За честь друзей вступая в спор,
За славой не гонись.
Не жди, когда протрубят сбор,
В беде ты сам горнист.
Бери трубу и сам труби.
Не жди любви, а сам люби.
Метет ли выюга, льют дожди— (2 раза)
Не жди,
не жди,
не жди!

ЕГО МАГИСТРАЛЬ...

Первые же работы молодого азербайджанского живописца Олега Ибрагимова, появившиеся на республиканских и всесоюзных выставках, заставили обратить на себя внимание. Они привлекали свободным артистизмом исполнения, в них чувствовалась рука мастера и взгляд истинного художника. Был ли то пейзаж, натюрморт, портрет или тематическая композиция—за двухмерной поверхностью холста ощущалась личность автора, активно и вдохновенно постигающего мир.

В южных восходах и закатах, в ослепительном блеске апшеронского солнца и в изменчивой синеве Каспия О. Ибрагимов сумел увидеть пластически законченный и предельно выразительный образ родной земли.

Рискованно, пожалуй, разделять творчество художника, особенно молодого, на периоды. Однако уверен, мы имеем право говорить о «бамовском» периоде Олега Ибрагимова, ибо недавняя поездка на строительство Байкало-Амурской магистрали открыла перед молодым живописцем новую и, быть может, самую главную магистраль творчества. Его, южанина, увлекли величественные сибирские пейзажи, размах гигантской стройки, но, конечно, больше всего поразили его люди. Их целеустремленность, вдохновенная ос-

мысленность труда, глубочайшая уверенность в своих силах. Впечатления оказались настолько сильными и конкретно определенными, что, когда кончился срок командировки, О. Ибрагимов «притормозил», по его собственному выражению, в Иркутске и, не теряя времени, принялся за работу, запечатлевая увиденное в эскизах, этюдах, портретных зарисовках... А вскоре художник создал цикл картин, посвященных молодым строителям БАМа, картин, в которых зрителю открывается глубинная сущность грандиозных событий, совершающихся сегодня на трассе магистрали века.

Алексей НИКОЛАЕВ

ВЕСНА НА АПШЕРОНЕ.

ЖАСМИН.

НАТЮРМОРТ С РЫБОЙ.

НАТЮРМОРТ С ТЕНЬЮ.

ОБЕД В ПОСЕЛКЕ «ЗВЕЗДНЫЙ».

